

# **С Т Е Н О Г Р А М М А**

заседания "круглого стола" на тему

## **"Проблемы правового и социального статуса жертв преступности в России"**

---

Москва,  
Государственная Дума РФ,  
15 февраля 2007 года

## УЧАСТНИКИ

**Слиска Любовь Константиновна,**  
Первый Заместитель Председателя  
Государственной думы Федерального  
Собрания РФ

**Плигин Владимир Николаевич,**  
Председатель Комитета ГД ФС РФ  
по конституционному законодательству  
и государственному строительству

**Гребенников Валерий Васильевич**  
**(Председательствующий)**  
Первый заместитель председателя комитета ГД ФС РФ  
по гражданскому, уголовному, арбитражному  
и процессуальному законодательству

**Гришанков Михаил Игнатьевич**  
**(Председательствующий)**  
Первый заместитель председателя комитета  
ГД ФС РФ по безопасности

**Костина Ольга Николаевна,**  
Председатель правления  
Правозащитного движения "Сопротивление"

**Овчинников Николай Александрович,**  
Статс-секретарь,  
заместитель Министра внутренних дел РФ

**Колесников Владимир Ильич,**  
Заместитель Министра юстиции РФ

**Александров Алексей Иванович,**  
Заместитель председателя комитета СФ ФС РФ  
по обороне и безопасности

**Капура Михаил Михайлович,**  
Член Совета Федерации РФ ФС РФ

**Волков Алексей Николаевич,**  
Депутат ГД ФС РФ

**Овчинский Владимир Семенович,**  
Советник Председателя Конституционного суда РФ

**Сванидзе Николай Карлович,**  
Член Общественной палаты РФ

**Шабанов Сергей Георгиевич,**  
Член Общественной палаты РФ

**Терри Кинни (Terry M. Kinney),**  
Постоянный представитель по правовым вопросам  
министерства юстиции США при Посольстве США

**Дозорцева Елена Георгиевна,**  
руководитель лаборатории Государственного научного центра  
социальной и судебной психиатрии имени Сербского

**Лазарев Валерий Васильевич,**  
Ученый секретарь Научно-консультационного Совета  
при Федеральной палате адвокатов

**Илюшина Марина Николаевна,**  
Профессор Российской Правовой Академии

**Муратова Надежда Георгиевна,**  
Профессор Казанского Государственного университета

**Богданова Елена Евгеньевна,**  
Доцент Белгородского Университета  
Потребительской кооперации

**Аппенянский Александр Иванович,**  
Член Президиума и Ученый секретарь  
Российского общества психиатров

**Ковтун Николай Николаевич,**  
Профессор Нижегородского филиала ГУ  
"Высшая школа экономики"

**Бражников Богдан,**  
студент Российской правовой академии

---

**Председательствующий.****Валерий Гребенников,**

Первый заместитель председателя

комитета ГД ФС РФ

по гражданскому, уголовному,

арбитражному

и процессуальному законодательству

---

Уважаемые коллеги!

Мы сегодня проводим "круглый стол", посвящённый мониторингу законодательства о защите жертв преступлений. Инициаторами круглого стола стали несколько комитетов Госдумы, в том числе Комитет по конституционному законодательству и государственному строительству, и здесь присутствует его председатель Владимир Николаевич Плигин, Комитет по безопасности, а также Комитет по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству и правозащитные организации. Мы это задумывали как "круглый стол", посвященный общей тематике. Однако уже в процессе подготовки этого собрания столкнулись с тем, что проблема распадается на большое количество не то чтобы более мелких, а более частного характера, но очень важных проблем.

Это и защита потерпевших, которые, скажем, не стали жертвами, в смысле того, что это люди, которые сохранили жизнь, это люди, которые, скажем, не были изувечены, но всё-таки тем не менее являются потерпевшими. Это защита свидетелей, включая проблему, которая называется, в дословном переводе с английского языка, хотя, на мой взгляд, это не очень точный термин, проблемой "сделки с правосудием".

Одним словом, проблем в направлении, о котором мы сегодня хотели бы поговорить, страшно много, все они носят характер очень важный, многие болезненны для нашего общества. И очень важно сказать большое спасибо общественным, правозащитным организациям, которые этими вопросами занимаются. Одна из них, наиболее системно и организованно взявшаяся за решение этих проблем, – это правозащитное движение "Соппротивление", представите-

ли которого здесь тоже присутствуют. Именно они выступили катализатором процесса.

В Государственной Думе под эгидой упомянутых комитетов создана рабочая группа. Она включает в себя не только депутатов и работников аппарата Думы, в нее входят работники прокуратуры, МВД, Минюста, ФСБ, научных институтов. Рабочая группа пытается понять, в каких направлениях необходимо двигаться и как работать над усовершенствованием законодательства, посвященного вопросам защиты потерпевших и свидетелей в уголовном процессе. Мы рассчитываем, что (и в том числе с учетом нашего "круглого стола" и дальнейших мероприятий) рабочая группа сможет выйти на конкретные предложения по совершенствованию законодательства в целях обеспечения гарантий и процессуальной защиты, и психологической защиты, и юридической защиты тем людям, которые, так или иначе, оказались либо пострадавшими от преступления, потерпевшими, либо свидетелями этого преступления и выполняют благородную миссию по помощи следственным и судебным органам в выяснении всех обстоятельств дела для наложения адекватного наказания на преступника.

---

**Любовь Слиса,**

Первый заместитель

Председателя Госдумы ФС РФ

---

У нас есть прекрасная возможность проанализировать несколько серьёзных вопросов по правовому статусу потерпевших в российском уголовно-процессуальном законодательстве. Потому что есть в этом вопросе очень много таких реалий, которые, к сожалению, нас каждый день сталкивают с теми или иными обстоятельствами, в которых оказываемся мы или наши близкие.

В ходе судебных реформ в отечественное законодательство было внесено много радикальных изменений, которые касались судебного контроля за применением арестов, за продлением срока содержания под стражей, создания дополнительных гарантий прав обвиняемого, подозреваемого. Был принят закон о суде присяжных, в основном нацеленный на права обвиняемого. Но в то же время мы

считаем, что сделано недостаточно в интересах жертв преступлений. Хотя, по моему глубокому убеждению, это одна из самых острых, не нашедших пока адекватного отражения в нашем уголовном судопроизводстве проблем.

Жертвы преступления зачастую подвергаются оскорблениям, шантажу, угрозам, что с ними расправятся. Мы это наблюдаем с вами, наверное, ежедневно в программах, которые идут перед каждыми новостными выпусками. Уничтожение имущества – это сплошь и рядом происходит. Очень часто мы сталкиваемся с насилием в отношении потерпевших.

Оказывая подобное давление на потерпевших, обвиняемые и другие заинтересованные лица надеются на оправдание и на смягчение наказания, на прекращение уголовных дел, что, к сожалению, часто и происходит. Нам, как депутатам, несмотря на то, что запрещается вмешиваться в действия дознания, следствия и работу прокурорских органов, тем не менее приходится обращаться с письменными запросами на жалобы граждан. Должна сказать, что очень адекватно реагируют наши правоохранительные структуры, разбираются. По практике своего семилетнего пребывания в Государственной Думе могу сказать, что дополнительные проверки иногда приводили к тем справедливым результатам, которых добивались заявители.

Неудивительно, что жертвами преступлений зачастую становятся люди, которые потом отказываются от сотрудничества со следствием, от участия в судебных заседаниях, отказываются знакомиться с материалами дела и не являются в суд, в органы следствия и дознания. И очень часто приходится прибегать даже к принудительному их вызову в те или иные органы правоохранительных систем.

Я не считаю универсальной формулировку, заболтанную нашими правозащитниками (прошу не обижаться на это), о том, что лучше десять преступников оставить безнаказанными, чем осудить одного невиновного. По этой странной логике получается, что защита прав жертвы неизбежно влечёт ущемление прав обвиняемого. При этом забывается, что близкие люди, друзья, члены семьи, знакомые пострадавших тоже, по сути дела, являются такими же жертвами. А чем и как мы можем изменить их страдания, как-то вот облегчить эти страдания?

К сожалению, наше действующее законодательство уравнивает

процессуальное положение обвиняемого и пострадавшего. Более того, зачастую жертва преступления становится ещё и жертвой правосудия. Уверена, что в сочувствии и защите нуждаются прежде всего пострадавшие. Именно их права и гарантии необходимо существенным образом совершенствовать и расширять.

Рост преступности в России сопровождается причинением вреда миллионам граждан. Вреда, который, как правило, не возмещается в полной мере осужденными и не компенсируется государством, как это предусмотрено в международных документах. Всё это создаёт серьёзную угрозу для государства, для нашего общества, для безопасности личности.

И без преувеличения эта проблема касается каждого из нас, каждого гражданина России, так как существует прямая связь: незащищённость человека со стороны государства всегда неизбежно ведёт к падению престижа власти и росту правового нигилизма.

Сегодня в рамках "круглого стола" у нас с вами есть возможность поговорить о том, как выполняются положения Декларации Организации Объединённых Наций 1985 года, которые предусматривают возможности реституции, компенсации жертвам не только за счёт виновных, но и в необходимых случаях за счёт государства.

Я думаю, что в этой аудитории нет необходимости напоминать о том, что в соответствии с 15-й статьёй Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права являются частью правовой системы нашего государства. И чрезвычайно полезным может быть для нас зарубежный опыт, который накоплен в странах Европы, по созданию благотворительных организаций, общественных фондов, деятельность которых направлена на защиту жертв преступлений и оказание им правовой помощи.

Закон, принятый в Государственной Думе "О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства" давно вступил в действие, и у экспертного сообщества было достаточно времени, чтобы сформулировать своё отношение к нему, изучить практику применения, подготовить замечания и поправки. Мне хочется выразить уверенность, что предстоящий обмен мнением позволит нам выработать единое мнение в отношении путей, способов решения проблем правового и социального статуса жертв преступности.

---

**Михаил Гришанков,**

Первый заместитель  
председателя комитета  
ГД ФС РФ по безопасности

---

Тема, которую мы сегодня обсуждаем, предельно актуальна. Не буду скрывать, когда Дума принимала закон "О государственной защите свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства", у нас было некое ощущение, что мы выполнили свой долг. Комитет по безопасности был одним из основных при принятии этого законопроекта, и на самом деле мы прописывали достаточно много законодательных возможностей для защиты свидетелей.

Но если сейчас выйти за пределы Государственной Думы и провести некий социологический опрос, спросить любого прохожего, который идёт по Тверской или по Моховой, спросить и задать вопрос, знает ли он о том, что есть такой закон? Знает ли он о том, что существует государственная программа защиты свидетелей?

Я думаю, утвердительно ответит 1 процент – это в лучшем случае будет. Это говорит о том, что на сегодняшний день мы приняли ряд законодательных решений, но граждане не понимают, не знают и, соответственно, не могут воспользоваться даже тем минимумом правовых возможностей, который на сегодняшний день существует в законодательстве. Это на самом деле общая проблема и законодательной власти, и исполнительной власти.

Закон действует с 1 января 2005 года, но только в апреле 2006 года была утверждена программа его реализации и только в октябре 2006 года, то есть спустя уже практически два года со дня вступления закона в силу, утверждены основные правила по обеспечению мер безопасности. Это говорит о том, что, к сожалению, мы достаточно долго раскачиваемся.

Я не хочу сейчас бросать камни в огород правительства, хотя с удовольствием это сделал бы достаточно жёстко, но мы имеем то, что имеем. И сегодня очень важно, что внимание к этой теме привлекается не только представителями органов власти, но, прежде всего, гражданским обществом.

Правозащитное движение "Соппротивление" звонит в колокола и кричит: "Хватит, всё! Сколько можно?". И я как депутат считаю просто



своим долгом максимально поддержать их работу. Без консолидации наших усилий сделать что-либо будет сложно. Страх, который присутствует у наших сограждан, страх, который у них присутствует после совершения в отношении них и тяжких, и не тяжких преступлений, подрывает наше общество. И, на мой взгляд, выработка консолидированной позиции, выработка конкретных мер, которые должны реализовываться, причем незамедлительно, – это, на мой взгляд, одна из главных задач, которые сегодня должны решаться в рамках "круглого стола".

Вот, к примеру, конкретные цифры. При внесении законопроекта в Государственную Думу, Президент России, посчитав затраты, внёс сумму 700 миллионов рублей на год на реализацию государственной программы защиты свидетелей. Сегодня, к сожалению, финансируется эта программа во много раз ниже. Это тоже говорит о позиции исполнительной власти, прежде всего, о позиции Минфина.

Но мы должны ломать эту позицию, потому что, как ни прискорбно это говорить, любой из нас может оказаться в роли потерпевшего. И иногда, скажем так, цинично, ряду руководителей, с которыми приходится вступать в дискуссию, приходится говорить: а вы сами задумывались над тем, что вы или ваши родственники окажутся в этом положении, что вы тогда будете делать? Вы будете искать своих друзей, знакомых в правоохранительных органах, чтобы они помогли, чтобы они вас защитили, но защищенным должен быть каждый гражданин страны.

Наш комитет, Комитет по безопасности, готов максимально эффективно и оперативно отрабатывать те идеи, которые будут сегодня высказаны. Мы потеряли очень много времени. И я надеюсь, что результаты всё-таки будут действительно реально ощутимы в обществе.

---

**Николай Овчинников,**

Статс-секретарь,

Заместитель Министра  
внутренних дел РФ

---

В последнее десятилетие незаконное воздействие криминала на потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству, приобрело характер масштабной социальной и правовой проблемы. В результате свидетели, потерпевшие, другие участники уголовного судопроизводства нередко отказываются

от ранее данных показаний, что практически разрушает доказательственную базу по уголовному делу. Уголовные дела утрачивают судебную перспективу, и преступникам таким образом удаётся уходить от ответственности.

Наука и практика длительное время уделяла больше внимания обвиняемым и подозреваемым, нежели свидетелям и потерпевшим, которые являлись, если можно так выразиться, фигурами второстепенными в уголовном судопроизводстве. Ну, по степени внимания. Самостоятельных нормативно-правовых актов, регламентирующих защиту прав и обеспечение безопасности свидетелей и потерпевших в связи с их участием в уголовном судопроизводстве практически не было.

В последние годы ситуация с обеспечением безопасности свидетелей и потерпевших стала меняться. Первым шагом на пути обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства было введение Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации в 2001 году норм, установивших меры, направленные на обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства и их близких. В частности, указание псевдонима участника следственного действия в целях неразглашения данных о его личности (часть 9 статьи 166), осуществление контроля и записи телефонных и иных переговоров с согласия потерпевшего, свидетеля или их близких родственников (часть 2 статьи 186), опознание в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего и опознаваемого (часть 8 статьи 193), проведение закрытого судебного разбирательства, если этого требуют интересы обеспечения безопасности участников судебного разбирательства и их близких родственников или близких лиц (статья 241), проведение допроса свидетеля в условиях, исключающих его визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства (часть 5 статьи 278). Однако данных мер оказалось недостаточно.

С учётом потребностей применительной практики, реалий нашей действительности, международного и зарубежного опыта 20 августа 2004 года был принят Федеральный закон "О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства", работа над которым велась практически 10 лет. Данный федеральный закон, вступивший в действие с января 2005 года, завершил формирование на законодательном уровне систе-

мы государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства.

Определены органы, обеспечивающие государственную защиту, установлены принципы её осуществления в виде государственной защиты, включающие меры безопасности и социальной поддержки, к которым относятся: личная охрана, охрана жилища, имущества, выдача специальных средств индивидуальной защиты связи и оповещение об опасности, обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице, переселение на другое место жительства, замена документов, изменение внешности, изменение места работы, службы или учёбы, временное помещение в безопасное место.

В отличие от Соединённых Штатов и стран Западной Европы, в которых меры безопасности применяются в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства в основном по уголовным делам коррупционного характера, в России меры государственной защиты осуществляются и в отношении участников уголовного судопроизводства по другим уголовным делам.

С принятием нового УПК и Закона "О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства" в российском законодательстве появились нормы, направленные на обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства. Можно констатировать, что нормотворческая деятельность, связанная с обеспечением безопасности, набирает обороты.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 10 апреля 2006 года в целях реализации федерального закона впервые утверждена государственная программа обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2006-2008 годы, для которой на эти цели выделено 948 миллионов рублей.

Я хочу сказать вам, что пока профинансировано 10 миллионов, а выделено 948 миллионов. Постановлением эти деньги выделены. Другое дело, что реальное финансирование этой программы, безусловно, недостаточно и для обеспечения всего комплекса мер государственной защиты, которые предусмотрены законом, их, безусловно, даже тех, которые вот здесь, в постановлении, даже если бы финансировалось 100-процентно, их бы, наверное, безусловно, не хватило.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 ок-

тября 2006 года номер 630 утверждены также правила применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. Эти правила регулируют порядок применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства органами, которые осуществляют меры безопасности по находящимся в их производстве либо в производстве суда и прокуратуры уголовным делам.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2006 года номер 664 утверждены правила выплат единовременных пособий потерпевшим, свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства, в отношении которых в установленном порядке принято решение об осуществлении государственной защиты. Эти правила определяют размеры и порядок выплат единовременных пособий защищаемым лицам, а в случае гибели защищаемого лица в связи с его участием в уголовном судопроизводстве, членам семьи погибшего и лицам, находящимся на его иждивении.

Министерство внутренних дел принимало непосредственное участие в разработке и принятии этих актов. Кроме того, Министерство внутренних дел в соответствии с межгосударственной программой совместных мер борьбы с преступностью на 2005 и 2007 годы, утверждённой решением Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 11 сентября 2004 года, осуществляло работу над Соглашением о защите участников уголовного судопроизводства, которое 26 ноября 2006 года подписано в городе Минске. Министерством подготовлен пакет документов о ратификации этого соглашения, который в настоящее время направлен в федеральные органы исполнительной власти на согласование.

Руководствуясь концепцией административной реформы в Российской Федерации, а также постановлением Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2005 года, Министерством внутренних дел разработан проект административного регламента министерства по исполнению государственной функции обеспечения в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, безопасности участников уголовного судопроизводства и их близких. Этот документ будет основополагающим для сотрудников Министерства внутренних дел по применению настоящего закона.

В регламенте определены порядок и формы контроля за исполне-

нием мер безопасности, порядок обжалования защищаемыми лицами действий должностных лиц органов внутренних дел, обеспечивающих государственную защиту. В ближайшие дни регламент будет направлен в Минюст России для государственной регистрации.

На сегодняшний день в Департаменте по борьбе с организованной преступностью и терроризмом Министерства внутренних дел России создан отдел организации государственной защиты. Подразделения госзащиты созданы также в управлениях по борьбе с организованной преступностью Москвы, Санкт-Петербурга и Ленинградской области, в Воронежской, Самарской областях, подразделения по борьбе с организованной преступностью Архангельской, Волгоградской, Липецкой областей, в Ингушетии и в ряде других субъектах Федерации. Вот сейчас этот процесс как раз идёт полным ходом.

В деятельности подразделений, осуществляющих меры государственной защиты свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства в настоящее время для нас, если так кратко очень сказать, наиболее проблематичной представляется реализация такой меры безопасности, как переселение защищаемого лица на другое постоянное место жительства. Правовая база по обеспечению государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства в целом сформирована, но необходимо отлаживать правоприменительную практику, решать связанные с ней практические вопросы. Несомненно, всё это нуждается в совершенствовании. Это непростой и долгий процесс. Мне хочется надеяться, что мероприятия подобные сегодняшнему "круглому столу", станут отправными точками в реализации этого процесса.

Проблема правового и социального статуса жертв преступности в России широчайшая. И вопросы применения закона, о котором я сейчас говорил – это одна маленькая составная часть этой проблемы.

Вся мощь нашего законодательства была направлена всегда на изобличение преступника, привлечение его к уголовной ответственности. По сути, закон, который мы обсуждаем, направлен тоже ведь на это – защитить свидетеля для того, чтобы он дал показания, для того, чтобы привлечь и так далее. То есть, получается, понимаете, та же самая цель. Однако, на мой взгляд, необходимо вести речь, если мы говорим о правовом и социальном статусе жертв преступности в России, прежде всего о компенсации моральной, материальной жертвам преступности.

У нас нет сейчас абсолютной точной статистики, потому что ещё не наработан массив по количеству обращений, но мы можем сказать, что в среднем не менее 10 миллионов человек становятся свидетелями в Российской Федерации ежегодно. Это очень средняя цифра, но не менее 10 миллионов человек. Да, граждане в подавляющем большинстве могут не знать о принятом законе. Однако те, кому необходимо это знать, правоприменители, следователи прокуратуры, органов внутренних дел, сотрудники органов внутренних дел, судьи и так далее – все об этом законе прекрасно осведомлены.

Так вот, каждый из правоприменителей, безусловно, заинтересован, в общем-то, сохранить свидетелей. Поэтому этот закон уже применяется. Конечно, трудно пока идёт дело, но норма уже применяется. В год мы получаем где-то 700, допустим, ну, по всей стране не более тысячи обращений за защитой. Но не каждое обращение обоснованно, да и потом мера государственной защиты может ведь быть разная. Довольно часто говорят, особенно в прессе о таких экзотических и редко применяемых и на Западе мерах, как, к примеру, изменение внешности. Подчеркну, что все это случаи экзотические, а потому и редкие. Так вот, количество свидетелей, которым реально угрожают в сравнении с общим количеством свидетелей, оно, безусловно, мало, хотя это ни в коей мере не означает того, что даже если бы у нас было два заявления в год, мы бы не обязаны были применить закон. Мы были бы обязаны, потому что каждый человек дорог. Я просто хочу сказать, что этот закон и применение мер защиты в отношении свидетелей и потерпевших – только малая часть проблемы, которая называется правовым и социальным статусом жертв преступности в России.

И не хотелось бы, чтобы все замыкалось на этой малой части, чтобы это у нас не превратилось всего лишь в общественный контроль за соблюдением части закона. Деятельность общественных движений не должна перерасти из разговора о проблемах статуса правового и социального жертв преступления просто в деятельность по общественному контролю за соблюдением этого закона. Подчеркну, что общественный контроль нужен, и мы готовы к такому контролю. Министерство полностью открыто для диалога. Но, мне кажется, что вопрос необходимо ставить шире. В частности, готово ли наше государство компенсировать потерпевшим причиненный вред? В какой степени? Потерпевшие у нас нуждаются в мораль-

ном, материальном, и в других видах компенсации для того, чтобы не чувствовать себя обиженными, для того, чтобы чувствовать за собой широкую и мощную спину государства.

---

**Ольга Костина,**

Председатель правления  
Правозащитного движения  
"Соппротивление".

---

Тема защиты прав жертв преступности впервые поднимается на таком серьёзном уровне. Очень важно, чтобы с самого начала в этой дискуссии принимали участие и специалисты профильных ведомств, и представители Государственной Думы, представители правительства и, конечно, представители общественности и прессы. Потому что без всестороннего подхода мы не сможем решить эту проблему. Существует расхожее мнение о том, что о состоянии общества можно судить по отношению к детям и старикам. Изучив международный опыт, мы считаем, что к ним можно смело причислять и такую категорию граждан, как жертвы преступности.

Более тридцати лет в Соединённых Штатах и в странах Европы общественные и государственные структуры совместными усилиями помогают своим законопослушным гражданам отстоять права, оправиться от травмы и вернуться к нормальной жизни.

К примеру, в рядах немецкого движения "Белое кольцо" с 1992 года состоит канцлер Ангела Меркель. То есть она не вступила туда, когда стала канцлером, из пиар соображений, она состояла там с 1992 года.

Движение "Victim Support" в Великобритании существует тоже около тридцати лет. Поддерживается как государством с помощью финансовых усилий, так и патронруется королевской семьёй. Во главе движения стоит принцесса Анна.

Кроме того, существует Европейский форум по правам жертв преступности, который ежегодно проводит анализ этой проблемы. Но наша страна пока там не присутствует. На сегодняшний момент у "Соппротивления" есть серьёзные контакты в этой организации и

искренняя поддержка ими нашей деятельности. Мы надеемся в диалоге поработать с нашими экспертами из различных министерств и ведомств и иностранными правозащитниками и попытаться найти с помощью зарубежного опыта способ, чтобы сократить хотя бы немного для нашей страны тот тридцатилетний путь, который проходили страны Европы.

Вне зависимости от форм финансирования – будь то частные пожертвования, будь то государственные вливания, во всех странах Европы и в Соединённых Штатах Америки гражданские структуры по поддержке потерпевших работают в тесном контакте с правоохранительной системой. Там идёт, не как у нас принято – борьба с государством, а борьба за эффективность этого государства. И это очень важная ремарка. Я всегда на ней останавливаюсь, потому что вот наш перекося в борьбу с правоохранительной системой, он уже ушёл слишком далеко, так далеко, что мы уже этим на самом деле помогаем преступникам.

Какова ситуация с жертвами преступности в нашей стране? В 2006 году по заказу нашего движения ВЦИОМ проводил опрос. Опрос самый предварительный. Но даже он показал: 25 процентов граждан России или их родственники сталкивались с преступлениями, и только 4 процента из них смогло отстоять каким-то образом свои права. Это страшные цифры. Это четверть населения страны. На самом деле нужно понимать, что данные опросы подтверждает официальная статистика министерства, которая сейчас доступна. Только в 2005 году в МВД, по оценкам специалистов, обратилось за помощью 17,5 миллионов человек. Конечно, речь идёт здесь не только о тяжких преступлениях, но и о самых разных, но вдумайтесь в эту цифру – в год 17,5 миллионов граждан, которые пострадали. Конечно, здесь эту тему разовьют и дальше, я же просто хочу обратить внимание, что все эти люди без исключения находятся в состоянии травмы и, в общем, у нас в стране нет, к сожалению, устоявшейся практики, как с этой травмой справляться.

В обществе, в котором существует такой посттравматический синд-



ром, разве мы можем рассчитывать на какую-то правовую культуру, тем более на её подъём? Разве мы можем рассчитывать, что граждане в таком состоянии когда-нибудь поддержат идею отмены смертной казни? Да навряд ли. Разве мы можем считать, что институт присяжных в такой стране может работать адекватно и ответственно? Этих присяжных ведь выбирают из обычных граждан.

Что такое в российском общественном сознании – потерпевший? Это изгой. Это человек, который, в лучшем случае, получает помощь от родственников, ну, некоторую поддержку от коллег по работе. Но чаще, вы знаете, знаменитую российскую фразу: ты украл, у тебя украл, но шуба в деле была. Поэтому, если человек попал, извините, под эту раздачу, на него ещё могут косо начать смотреть на работе, и он может эту работу в итоге потерять. На травму, полученную от преступников, накладывается отчаяние и презрение окружающих, и это заканчивается презрением государства и общества.

В результате объективных исторических обстоятельств, прежде всего, разрушения системы тоталитаризма в стране, внимание российской общественности много лет сфокусировано на проблемах обвиняемых и осуждённых, о чём вот здесь говорили предыдущие выступающие, в том числе. В законодательство внесены многочисленные поправки, обеспечивающие их права, в России функционирует и довольно успешно целый ряд общественных организаций, помогающих осуждённому и заключённому. У жертв преступности лоббистов нет, почти нет. Более того, в результате, так сказать, зачастую не очень грамотных, некорректных действий следственных органов и судебных органов, у человека к травме, нанесённой преступником, добавляется ещё одна травма, которую он получает в процессе разбирательства.

Я приведу простой пример очень коротко. Вот все мы знаем о деле Сычёва и о всех подобных делах. Что происходит на самом деле? Ни одна правозащитная организация об этом не заговорила. Допрашивают один раз. Эти показания устраивают одно ведомство, но не устраивают другое, допрашивают второй раз, третий, открывается кишечное кровотечение у человека, от которого осталось поло-

вина. У нас никак это не регламентируется в стране. И здесь нельзя "бросить камень в огород" правоохранительной системы, потому что это не её задача. У государственных органов есть регламент, есть рамки, они должны в такие-то сроки урегулировать эту ситуацию, они должны разрешить эту задачу. Но мы-то обязаны как общество принимать в этом хоть какое-то участие. Что же мы смотрим на страдания этих людей, что же мы их добиваем? Получается, что у нас недобитый преступником добивается государственной системой!

Отдельная тема – защита прав детей-свидетелей и защита вообще детей-жертв преступности. Я разговаривала с социальными работниками Москвы и была просто потрясена, потому что, оказывается, у нас, чтобы опросить ребёнка, которого истязают родители-алкоголики или наркоманы, это можно сделать только в их присутствии и с их разрешения. Вдумайтесь в эту ситуацию. Представляете, жертву опрашивают только в присутствии и с разрешения преступников, потом их возвращают домой, где их родители за то, что они куда-то пожаловались, ещё раз...

Особо отмечу, что МВД впервые в прошлом году масштабно заговорило о потерпевших. На самом деле это очень важная тема. Её поднимал министр МВД, её поднимают сейчас и другие структуры. И когда мы начали работать, первыми, кто нас поддержал, были структуры Министерства внутренних дел. Поэтому я искренне признательна их руководству, я признательна руководству ГУВД города Москвы, которое пошло с нами на, казалось бы, очень простой эксперимент, но очень действенный. Теперь во всех отделениях милиции Москвы и у каждого участкового есть книжечка, которая и вам сегодня роздана. Это своего рода инструкция попавшим в беду. Конечно, милиционерам некогда заниматься с каждым потерпевшим, но они могут его направить туда, где ему окажут помощь. Мы оказываем два типа помощи: юридическую и психологическую. Это, казалось бы, не сложно, но это очень востребовано на самом деле. Мы сейчас видим по объёму общественной приёмной, что в некоторых случаях мы уже немножко не справляемся.

И ещё очень важный аспект. Конечно, вся эта работа невозмож-

на без адекватной поддержки общества. Мы так устроены, что надо было три теракта пережить и даже больше, чтобы мы поняли, что всё-таки звонок в МВД и звонок в ФСБ – это не стукачество, это спасение жизни своих детей и себя самого. А так мы и продолжаем жить вот с этими штампами. Мы продолжаем считать, и здесь тоже проходил "круглый стол" на эту тему, что ДТП и люди, погибающие в ДТП – это такой несчастный случай. Да нет, это не несчастный случай. Человек, садящийся пьяным за руль, должен понимать, что это называется "покушение на убийство". И тут не вопрос обсуждения, сколько штрафа он заплатит, и сколько у него возьмёт гаишник или не возьмёт и так далее. Здесь вопрос в том, что это надо называть своими словами, другими словами, теми, которых эта ситуация заслуживает. Поэтому, конечно, здесь эффективность работы органов государства нельзя оценивать в отрыве от работы с общественностью с ними. Давайте бороться за доверие, давайте искать какие-то пути и способы контакта.

Нас часто спрашивают о нашем названии: почему вы называетесь таким образом – "Сопротивление"? То есть, чему мы сопротивляемся? Ответ очень прост: мы сопротивляемся произволу. Мы сопротивляемся страху, который этот произвол сеет в обществе. И мы сопротивляемся, безусловно, равнодушию, равнодушию, которое есть внутри нас самих. И здесь на самом деле не надо ни на кого кивать, ни на какую правоохранительную систему. Это наша собственная проблема. Выбежим мы на крик в подъезде или мы ещё одну цепочечку на дверь накинём? Позвоним мы куда-то, обратимся или мы предпочтём быть в стороне, потому что потом надо ходить в суды, давать показания? Зачем это нужно? Даже если нам никто не угрожает, нам просто жалко своего времени. Мы не думаем о том, что мы завтра можем оказаться в этом положении.

Мы отработали первый год в тестовом режиме, сейчас пошёл второй. Мы открыли общественную приёмную, запустили пилотные проекты. Вот книжка, которая вам роздана, – она тоже первая. Мы готовим ещё к выпуску такую же брошюру в помощь свидетелю и в помощь следователю-дознавателю в том смысле, как вести себя сог-

ласно психотипу с потерпевшим, чтобы он был более контактен с правоохранителем, чтобы он смог работать с ним вместе.

На самом деле мы нашли сторонников. Искренне признательна руководству и профильным комитетам Государственной Думы. Ещё раз повторяю, что мы признательны МВД, в первую очередь мы работаем сейчас с ними и с ГУВД Москвы. Мы ищем рабочие контакты и в прокуратуре, и в Минюсте, и в других соответствующих органах. Поэтому я думаю, что совместными усилиями мы сможем решить эту проблему и выработать комплекс мероприятий по взаимодействию, столь такому необходимому.

Поэтому, когда мы продумывали лозунги какие-то нашего движения, мы недолго искали на самом деле. Мы сегодня должны все понимать, что преступность не останавливают ни пол, ни возраст, ни социальное положение. Преступность останавливает только наша солидарность. Поэтому наши усилия сегодня должны быть направлены только на это.

### **Председательствующий**

*Любовь Константиновна Слиска спросила меня: "Как вступить в вашу организацию?" Прошу вас, пожалуйста, обеспечьте информацией депутатов Государственной Думы, а также всех остальных участников, мы вступим.*

---

### **Владимир Колесников,** заместитель Министра юстиции РФ

---

Положения, обеспечивающие правовую защиту жертв преступлений, содержатся во многих международных договорах, в частности, во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских политических правах, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, Конвенции против пыток и других жестоких бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания, дополнительном Протоколе к Женевской конвен-

ции, касающемся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, Декларации ООН, Основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, Протоколе о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми и наказании за нее, дополняющем Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности.

Данные международные документы являются универсальными актами, затрагивающими все аспекты защиты жертв от преступных посягательств. В соответствии с Декларацией Организации Объединенных Наций Основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью от 25 ноября 2000 года жертвами преступлений признаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающие действующие национальные уголовные законы государств-членов, включая законы, запрещающие преступные злоупотребления властью.

Этой же декларацией закреплено, что ее положения применимы ко всем лицам без каких-либо различий, независимо от расы, цвета кожи, пола, возраста, языка, вероисповедания, национальности, политических и иных взглядов, культурных убеждений или практики имущественного, сословного или семейного положения, этнического или социального происхождения и нетрудоспособности. Потрясающе красивый документ.

С учетом указанных выше международных актов основными принципами обеспечения защиты прав жертв преступлений в Российской Федерации являются: уважение, обеспечение и соблюдение международных норм в области прав человека, равноправный и эффективный доступ к механизмам правосудия, к эффективным судебным средствам правовой защиты, доступ к административным и иным органам, адекватное реальное и быстрое возмещение понесенного ущерба, обеспечение исполнения решений судов о возмещении материального и морального ущерба жертвам преступлений, доступ

к соответствующей информации о нарушении прав и механизмов возмещения ущерба, оказание медицинской, психологической, юридической, социальной помощи.

Так, в Конституции России статья 52 гарантирует охрану прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью, доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

В 2001 году при активном участии Минюста принят новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, вступивший в действие с 1 января 2002 года. Данный закон соответствует общепринятым мировым стандартам в сфере осуществления судопроизводства. В качестве первоочередной важнейшей задачи российского уголовного судопроизводства согласно статье 6-й Уголовно-процессуального кодекса закреплена защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Существенные изменения претерпели многие положения уголовного процесса, в том числе и процессуальное положение потерпевшего. Потерпевшими в настоящее время могут быть признаны не только физические, но и юридические лица в случае причинения вреда их имуществу и деловой репутации, что является, безусловно, достижением российского уголовного судопроизводства, статья 42 УПК.

Потерпевший по любой категории дел вправе требовать возмещения имущественного вреда, а также компенсации морального вреда, причиненного преступлением, путем предъявления гражданского иска. Выплата компенсаций потерпевшим производится по решению суда.

Кроме того, потерпевшим обеспечивается возмещение всех расходов, понесённых в связи с его участием в уголовном судопроизводстве, включая расходы на представителя. В случае если потерпевший не предъявил в уголовном судопроизводстве требований о возмещении причинённым им преступлением имущественного, а также морального вреда, он вправе предъявить соответствующий иск в порядке гражданского судопроизводства.

Установленные Европейским судом по правам человека нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод

при рассмотрении судом Российской Федерацией уголовного дела, связанного с применением федерального закона, несоответствующего положениям данной конвенции, а также с иными нарушениями положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, являются основанием возобновления производства по уголовному делу.

Впервые в новом Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (статья 11) закреплено право потерпевшего на применение в отношении его мер безопасности, охраны личности, жизни и так далее, о чём выступающие передо мной говорили.

Учитывая важность и актуальность вопросов организации государственной защиты участников уголовного процесса, в России принят ряд важных законов, которые обеспечивают реализацию гарантий потерпевших на защиту жизни и здоровья, имущества и социальную поддержку потерпевших. Так, 31 июля 2004 года принят Федеральный закон "О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства", который вступил в силу с 1 января 2005 года. За неимением времени раскрывать его не буду.

В целях реализации данного закона 10 апреля 2006 года Правительством Российской Федерации утверждена государственная программа обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей и участников в уголовном судопроизводстве на 2006-2008 годы. Преыдущие выступающие говорили, что есть существенные недостатки в плане ресурсного обеспечения данной программы, из-за чего она, к сожалению, страдает.

Программа направлена на осуществление определённых данным федеральным законом мер безопасности и социальной поддержки защищённых лиц независимо от их гражданства, национальности, пола, имущественного, должностного и социального положения и так далее. В частности, Федеральный закон "О противодействии терроризму" от 6 апреля 2006 года, вступивший в силу 10 марта 2006 года предусматривает компенсационные выплаты физическим и юридическим лицам, которым был причинён ущерб в результате террористического акта.

Говоря об уголовном праве, уголовном законе я хотел бы несколь-

ко слов сказать о следующем: данный закон тоже защищает интересы потерпевшего, хотя в то же время есть, на мой взгляд, и определённые недоработки.

Так, действующее уголовное законодательство предусматривает следующие уголовно-правовые формы возмещения вреда причинённого потерпевшему. Добровольное возмещение имущественного ущерба – это статья 61 УК, возмещение причинённого ущерба или иные приёмы заглаживания вреда, статья 75. Статья 76 УК предусматривает освобождение от уголовной ответственности, если лицо впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести ... к потерпевшим и загладит причинённый ущерб. Статья 90 УК предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетнего, если он загладил вину и возместил ущерб потерпевшим.

Перечисленные нормы в основном ориентированы на инициативное добровольное поведение виновного лица после совершения преступлений. И только в случае с несовершеннолетним возмещение причинённого вреда носит обязывающий характер. При таком подходе представляется затруднительным в полной мере обеспечить права потерпевшего на восстановление его нарушенных прав, интересов, жизненных ценностей.

В этой связи представляется, что в нынешних условиях среди целей наказания, перечисленных в статье 43 УК, зачитаю: "Восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений. Приоритетной должна стать цель восстановления социальной справедливости." С точки зрения потерпевшего, восстановление социальной справедливости выражается в следующем.

Первое – в назначении осужденному наказания в соответствии с законом и с учётом тяжести содеянного (его последствий).

Второе – в возмещении в полном объёме материального ущерба, причинённого преступлением.

И третье – в компенсации морального вреда в соответствии с правилами статьи 155 Гражданского кодекса Российской Федерации.



Кроме правовых пробелов существует и проблема в области правоприменения, выходящая за рамки уголовного процесса. К таким проблемам относится отказ (под различными предлогами) от принятия заявлений потерпевшего, воздействие на потерпевшего в целях отказа от заявления. Представляется целесообразным закрепление на законодательном уровне системы оказания психологической помощи, реабилитации жертв преступлений.

И последнее. Мне представляется, что есть такая проблема, как определение: а что такое моральный ущерб, физическая боль.

Есть ли на сегодняшний день у нас в стране те методики, с помощью которых мы можем определить, а что является критерием этого на сегодняшний день? К сожалению, таких критериев нет, и механизмов нет. Поэтому мне представляется, что необходимо создание рабочей группы для того, чтобы все заинтересованные ведомства, в том числе и медики, психологи и так далее поработали над этой проблемой и вооружили правоприменителей вот этим мощным средством.

Что такое пощёчина? Ведь один может просто от неё умереть, потому что это страшное оскорбление, когда-то на дуэль вызывали. Проблема, словом, есть, и решать её надо.

Я полностью согласен с тем, что общественный контроль нужен. Общественный контроль, который бы выявлял проблемы и помогал, находил пути решения данных проблем. Поверьте мне, это архиважно.

---

**Михаил Капура,**  
член Совета Федерации ФС РФ

---

У нас есть шанс исправить ситуацию, связанную с обеспечением мер безопасности жертв преступлений. Хотя официальная статистика говорит несколько об ином.

Вот по официальной статистике более 70 процентов граждан на вопрос о том, как они поступят, если окажутся потерпевшими или свидетелями преступлений, и в связи с этим возникнет угроза их жиз-

ни или безопасности, а также безопасности их родственников, заявили, что они откажутся свидетельствовать по уголовному делу. Это говорит о том, что созданная в нашей стране законодательная база обеспечения безопасности жертв преступности далеко не совершенна.

Мы знаем, что созданы специальные подразделения в рамках государственной программы. Но они созданы лишь в девяти субъектах Российской Федерации. Явно, явно недостаточно.

На всю страну в девяти субъектах Российской Федерации созданы специальные подразделения, которые обеспечивают применение конкретных мер безопасности, и два подразделения в центральном аппарате ОРБ номер 3 и непосредственно в центральном аппарате МВД.

Финансовые средства, которые выделялись в соответствии с государственной программой обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2006-2008 годы в 2006 году использовались, к сожалению, не в полном объёме. Тут говорилось о том, что финансирование недостаточное. Да, по-видимому, недостаточное. Но даже те деньги, которые государство выделило, и те деньги, к сожалению, не использовались. У меня есть официальные ответы соответствующих федеральных структур, я, готовясь к сегодняшнему мероприятию, запросил все федеральные структуры, которые призваны участвовать в этой программе, и получил письменные ответы. Так вот, например, 30 миллионов рублей, которые были выделены в 2006 году Федеральной службе по контролю за оборотом наркотиков, были возвращены в федеральный бюджет. Причина – отсутствие нормативных правовых актов, регламентирующих применение мер безопасности. Федеральной таможенной службе России было выделено в 2006 году 15 миллионов рублей на указанные цели, однако никаких мер по обеспечению безопасности потерпевших не проводилось. МВД получило 123 миллиона и тысячу постановлений о применении мер безопасности. К сожалению, какое количество денег было использовано, МВД не сообщило. Федеральная служба безопасности также сообщила информацию, к сожалению, засекретив её, но там положение несколько луч-

ше, чем в названных мною федеральных структурах.

В судебном разбирательстве из всех мер, предусмотренных законодательством об обеспечении безопасности потерпевших и свидетелей, применяется (в основном, на практике) проведение закрытого судебного заседания, что предусмотрено Уголовно-процессуальным кодексом. Гораздо реже в судебном заседании используется допрос под псевдонимом и допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение другими участниками судебного заседания. Однако применение этих мер безопасности вызвало и вызывает множество вопросов. Например, допрос под псевдонимом открывает широкий простор для использования подставных свидетелей и других фальсификаций, чем нарушается принцип состязательности сторон. Проблема? Да, безусловно.

Оценивая указанные нормы УПК Российской Федерации с практической стороны, необходимо признать, что далеко не во всех судах имеются условия, позволяющие исключить визуальное наблюдение допрашиваемого лица другими участниками процесса. Логично, что условия должны быть таковы, чтобы лицо вошло бы в зал судебного заседания без какого-либо визуального наблюдения со стороны других участников судебного процесса и покинуло таким же образом зал судебного заседания. К сожалению, суды во многих случаях не обеспечены такими возможностями.

Лицо, согласившееся дать показания под псевдонимом, вынуждено постоянно находиться под страхом расклевывания его личности, которая допускается частью 6 статьи 278 Уголовно-процессуального кодекса. Такие случаи в судебной практике уже имели место. Норма о допросе потерпевшего или свидетеля в судебном заседании под псевдонимом не закрепила возможности использования псевдонима в приговоре. В приговоре, согласно статьи 304 УПК Российской Федерации должны быть указаны все данные потерпевшего, что повышает вероятность последующего противоправного воздействия на него со стороны других лиц.

Кроме того, в случае подачи кассационной или апелляционной жалобы потерпевший обязан указать свою фамилию, имя, отчество,

адрес места жительства, более того, в соответствии с требованием УПК, копия этой жалобы должна быть направлена всем участникам судебного заседания, что создаёт большую опасность для потерпевшего при подаче такой жалобы. Перед потерпевшим возникает вопрос: либо рассекретить свою личность, либо не воспользоваться правом кассационного либо апелляционного обжалования в случае, если он не согласен с решением, которое вынес суд.

Ещё одна немаловажная проблема, с которой столкнулись жертвы преступлений.

Уголовно-процессуальный кодекс в статье 11 предусматривает меры государственной защиты, которые могут применяться только в ходе уголовного судопроизводства. В статье 2 Федерального закона "О государственной защите..." указано, что эти меры применяются в отношении лиц имеющих определённый процессуальный статус при производстве по уголовному делу потерпевших, свидетелей. Часть вторая этой же статьи допускает применение мер безопасности до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца, жертвы преступления, либо иных лиц, которые способствуют предупреждению или раскрытию преступления. Но ни в УПК, ни в федеральном законе не говорится о возможности применения мер безопасности по окончании производства по делу после вступления приговора в законную силу. В числе мер безопасности, предусмотренных законом, имеются так называемые "длящиеся" – такие, как переселение на другое место жительства, перемещение в другое – безопасное помещение. Но абсолютное большинство из такого рода мер применяются только по тяжким и особо тяжким преступлениям. Между тем именно по преступлениям небольшой и средней тяжести выносятся наибольшее количество приговоров с условным наказанием. И осужденное лицо остаётся на свободе.

Представляется, что это одна из самых важных проблем в реализации института государственной защиты жертв преступлений. Их безопасность должна быть обеспечена не только во время производства по уголовному делу, но и после его окончания.

Представляется, что есть необходимость внесения соответствующ-

щих изменений. И я думаю, что нам, как законодателям, есть над чем подумать.

Приняв государственную программу, правительство признало масштабной социально-правовой проблемой обеспечение защитой участников уголовного судопроизводства. Правительство практически сделало вывод о том, что вступивший в силу с 1 января 2005 года закон реально не действовал, и соответствующие меры безопасности к потерпевшим и свидетелям не применялись.

Программа эта рассчитана на три года. В рамках этого трёхлетнего срока предполагается охватить около 60 тысяч человек. В рамках трёхлетнего срока. К примеру, если сравнить аналогичную программу во Франции, там предполагается ежегодно охватывать ею около 75 тысяч человек. Вот разница в подходах.

До тех пор, пока государство не сможет гарантировать безопасность жертв преступлений, оно не вправе требовать от них исполнения соответствующих процессуальных обязанностей. Нельзя ожидать процессуальной активности от лица, не защищённого от возможного противоправного воздействия.

Я думаю, что в этом направлении нам предстоит достаточно большая работа.

---

**Николай Сванидзе,**  
член Общественной палаты РФ

---

Я не юрист, не специалист в данной проблематике. И поэтому я не могу оперировать цифрами. Я позволю себе, скорее, реплику вполне эмоционального характера.

Дело в том, сегодня уже говорилось, что очень значительная часть населения и значительная часть присутствующих в этом зале может с чистой совестью вступить в "Сопротивление". Значительная часть россиян может с сожалением признать себя так или иначе потерпевшими в разных ситуациях, в разное время, от оскорбления до ограбления. Значительная часть из нас была

или остаётся потерпевшими.

И здесь очень большую роль играет отношение государства к нам. Я согласен с тем, что эта ситуация должна быть под неусыпным контролем общественности. Это ни в коем случае не должно каким-то образом обижать или сужать прерогативы уважаемых правоохранительных органов, но общественность должна контролировать ситуацию в этой области, обязательно должна. Общественность, представленная как парламентом России – Федеральным Собранием, так и общественными организациями, правозащитными организациями, потому что на данный момент без общественного контроля государство само не справляется с этой ситуацией, как по объективным, так и по субъективным причинам.

Два момента. Первый момент – защита свидетелей. Я понимаю, очень тяжёлое положение Министерства внутренних дел здесь, абсолютно понимаю, для этого семи пядей во лбу не нужно иметь, – денег нет. Для этого нужны большие деньги: для разветвлённой программы защиты свидетелей, для того, чтобы дать человеку другое имя, чтобы дать человеку другую биографию, чтобы дать человеку другое место жительства и место работы, и чтобы потом ещё этого нельзя было обнаружить. Для этого нужны очень большие деньги, которых реально нет. Поэтому на данный момент это робкие, жалкие попытки выполнять соответствующие законодательные меры, которые доходят до смешного.

Известен случай, когда людей нужно охранять, потому что реально над ними нависла смертельная угроза, свидетелей, которые выполнили свой гражданский долг, проявили огромное мужество. Давайте не будем забывать, что для того, чтобы свидетель выступил свидетелем, он должен быть очень мужественным сегодня у нас человеком, очень мужественным. И я не готов осуждать того, кто не найдёт в себе это мужество. Так вот, человек нашёл, выступил, и теперь он и его семья проживают в соответствующих кабинетах местных правоохранительных ор-

ганов безвылазно. А куда им деваться? То есть это не жизнь, это тюрьма фактически, такое добровольное заключение, для того, чтобы обеспечить просто физическую безопасность. А денег нет на другой вариант. Мы смотрим американские фильмы, замечательные художественные фильмы, в которых рекламируется программа защиты свидетелей. Мы не можем делать такие фильмы, потому что у нас нет такой программы. Это первый момент.

Второй момент, то, что касается потерпевших. Здесь уже говорилось о том, что потерпевший – немножко лишняя фигура на судебном процессе у нас сегодня, это правда, да, совсем лишняя. Вы знаете, психологически отношение к нему такое: тебе уже не повезло, тебя оскорбили или тебя ограбили, или тебя изувечили, или тебя изнасиловали, или тебя убили, извини, тебе не повезло, всё. Доктор сказал: в морг, значит, в морг. Отдыхай, мы занимаемся другими людьми. Мы ищем, наказываем или не наказываем тех, кто виноват, всё, ты нам не интересен. И этот человек попадает реально, а таких людей миллионы, в число других беззащитных социальных слоёв нашего населения. Он такой же, как дети, он такой же, как старики, он такой же, как инвалиды. То есть, будучи беззащитен, он сталкивается с государственным равнодушием или с государственной импотенцией. Государство не может обеспечить его реабилитацию, оно не может обеспечить его собственное достоинство, потому что, не будем забывать, это огромный удар по достоинству человека, независимо от его пола и возраста, человека, который, так или иначе, стал потерпевшим.

И если государство не сможет этого сделать, это приведет к огромным потерям репутационным для самого государства в лице наших людей, в лице нас с вами. Поэтому я считаю эту проблему первоочередной, учитывая количество тех людей, о которых идёт речь. Нет денег, значит нужно действовать поступательно, нужно делать то, что можно сделать сегодня.

---

**Алексей Александров,**

заместитель председателя  
комитета СФ ФС РФ  
по обороне и безопасности,  
соучредитель движения  
"Соппротивление"

---

Как только мы создали нашу общественную организацию "Соппротивление", я встречался с членами английского клуба в Петербурге. Это был целый зал очень разных людей. И когда я рассказал о нашей общественной организации, я попросил поднять руки всех, кто является потерпевшим, в отношении которого когда-либо было совершено какое-то преступление, может быть, тех, кто не заявил об этом, не возбуждено уголовное дело по какой-то причине. И вы знаете, я вам скажу совершенно страшную вещь: подняли руки практически все.

И когда сегодня мы говорим, что 25 процентов или очень много народу, мне иногда кажется, что это не так, что у нас потерпевших гораздо больше, чем тех, которые проходят по уголовному делу в качестве потерпевших или другие люди, о которых это известно, а многие просто не хотят об этом говорить. В частности по разным преступлениям и по разным причинам они либо сами не сообщают об этом, или их убеждает кто-то, что не нужно об этом сообщать, что тебе только хуже будет, все равно преступников не найдём, а намучаешься и находишься.

Поэтому эта проблема, которую мы сегодня обсуждаем, она является не просто проблемой законодательства, не только проблемой юристов или представителей общественности или даже нашей широкой довольно общественной организации "Соппротивление". Это наша общая большая общегосударственная, общечеловеческая проблема, проблема прав человека, проблема защиты человека. И значение сегодняшней встречи, я считаю, просто трудно переоценить.



Теперь о вопросах, которые мы обсуждаем – защите свидетеля и потерпевшего. Безусловно, нужна программа, безусловно, нужно решать вопросы в отношении денег. Но есть ещё один вопрос, о котором надо сказать несколько слов. Почему угрожают потерпевшему и свидетелю? Иногда это месть. Но поверьте, это очень редко, в подавляющем же числе случаев – с целью заставить изменить показания, с целью уничтожить доказательства, которые может нести в себе потерпевший и свидетель.

И вот если бы мы несколько изменили уголовную политику, судебную политику и сделали бы так, чтобы преступники знали: если они убьют потерпевшего или свидетеля, который уже дал показания, то суд все равно сошлется на эти доказательства в суде, на те доказательства, которые уже получены в ходе следствия. И тогда преступник получит большее наказание, даже чем мог бы получить, если бы этот потерпевший и свидетель был жив и здоров. То есть исключить мотив на уничтожение или угрозу свидетелям и потерпевшим.

Второе. Повышение уровня раскрываемости преступлений. К сожалению, очень много квартирных краж (я не говорю о карманных кражах – это особый случай) уличных грабежей, а зачастую и разбойных нападений не раскрывается, очень много латентных и очень много просто нераскрытых. И от этого, конечно, зависит и возмещение морального и возмещение материального ущерба.

Что касается морального ущерба. Я глубоко убеждён, что судебная практика, правовая практика идёт по пути возмещения морального ущерба очень незначительно. Пожалуйста, повысьте, сделайте так, чтобы было очень невыгодно совершить преступление и причинить в том числе и моральный ущерб, чтобы такую сумму пришлось бы заплатить человеку за причинение морального ущерба, чтобы он тысячу раз поостерёгся это делать. Это тоже относится к уголовной политике.

Что касается физической охраны. Я должен подчеркнуть, что физическая охрана требуется только по очень редким делам, когда есть серьёзные организованные преступные группы, которые заинтересованы и имеют мотив укрытия, уничтожения доказательств. Если доказательство закреплено, если оно в процессе бу-

дет, таким образом, оформлено и принято судом как доказательство обвинения, то пропадёт мотив уничтожения свидетелей и потерпевшего.

Юридическая помощь населению. Население сегодня крайне нуждается в юридической поддержке и помощи. Вот будет заседание комиссии Ассоциации юристов России по правовой культуре и по пропаганде права. Мы глубоко убеждены в том, что наше общество нуждается в особом отношении к повышению уровня правовой культуры, уровня правосознания человека и к воспитанию, прежде всего, школьников в школах. Может быть, даже вплоть до того, что мы будем предлагать изменить государственные стандарты преподавания в общеобразовательных школах и за счёт каких-то других предметов, которые мы ни в коем случае не хотим умалять, расширять преподавание правоведения.

Поэтому особое значение в этом имеет профилактика. Очень коротко сказав о своих основных заботах, которые больше всего меня тяготят, я бы очень хотел попросить вас поддержать правозащитное движение "Соппротивление". Это очень серьезная инициатива. Я рад, что молодёжь серьёзно воспринимает эти идеи, поскольку это наша общая проблема, это касается каждого человека в нашей стране, абсолютно каждого.

---

**Сергей Шабанов,**  
член Общественной палаты РФ

---

В комиссии по общественному контролю за деятельностью правоохранительных органов в Общественной палате создана подкомиссия по защите прав потерпевших и свидетелей. Там – уважаемые люди, очень сильная экспертная группа. И мы поставили перед собой задачу заняться не столько широкой общественно-политической работой, чем занимается движение "Соппротивление", мы его здесь поддерживаем полностью, сколько сосредоточиться на решении конкретной задачи, которую поставили перед собой – разработка предло-

жений по внесению изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство. В них, в частности, впервые в качестве задачи уголовно-процессуального судопроизводства декларируется защита прав потерпевших и обеспечение этих прав.

Мы в плену старых заблуждений. Нам кажется, что задача государства – найти и покарать, что называется, полностью содержит в себе задачу восстановить нарушенные права потерпевших. Это не так. Мы должны понимать, что это не так. Найти и покарать – это только часть возможности восстановления нарушенного права. Всё остальное, можно это называть элементами восстановительного судопроизводства или как угодно, но это другая задача. Это другая задача, которую государство и законодатель пока в полной мере не осознают.

Всем кажется, что гособвинитель – это в самом деле тот человек, который и представляет полностью интересы потерпевшего в суде. Но это совершенно не так в уголовно-процессуальном законе. Ну, во-первых, момент признания потерпевшим, 42-я статья. Закон связывает этот момент с абсолютной доказанностью факта причинения вреда. Что такое абсолютная доказанность в рамках предварительного расследования, не сильно понятно. Это нужно связывать, очевидно, с наличием признаков, доказанных признаков причинения вреда и так далее. Не внесены в закон даже те изменения, которые уже совершились и вытекают из практики конституционного судопроизводства. Потому что здесь отдельные нормы, устанавливающие статус потерпевшего, либо признаны несоответствующими Конституции, либо скорректированными очень сильно. Это, в частности, возможность обжаловать постановление или определение суда о прекращении уголовного дела в связи с отказом прокурора от обвинения. Ну и так далее, я перечислять это не буду. А факт остаётся фактом – этого нет.

Изменения, которые необходимо внести, не влекут за собой ни дополнительных бюджетных ассигнований, ни радикальных ломок – ничего абсолютно. Все можно сделать быстро и без бюджетных затрат.

---

**Владимир Овчинский,**

советник Председателя

Конституционного Суда РФ

---

Проблема защиты прав потерпевших – это не только соблюдение закона о защите свидетелей и потерпевших. Это гораздо более широкая проблема, точнее, комплекс проблем. Я бы хотел сосредоточиться на двух наиболее, на мой взгляд, кричащих, которые требуют просто незамедлительного реагирования.

Проблема первая. Это исполнение постановления Конституционного Суда № 7-п от 27 июня 2005 года. В соответствии с этим постановлением Конституционный Суд признал не соответствующим Конституции ряд положений статей 144, 145 и 318 Уголовно-процессуального кодекса.

Объясню не юридическим, а простым человеческим языком, о чём идёт речь. Речь идёт о том, что с момента выхода нового Уголовно-процессуального кодекса в Конституционный Суд стали поступать массовые жалобы граждан о нарушениях прав, прав потерпевших. Когда граждане в массовом порядке обращаются в правоохранительные органы о том, что их избили, им нанесли лёгкие телесные повреждения, повреждения другой тяжести, побои, над ними издеваются (таких обращений миллионы по стране) а эти обращения не принимаются ни органами милиции, ни прокуратуры и отправляются в соответствие с новым Уголовно-процессуальным кодексом в мировой суд в порядке частного обвинения.

А в мировом суде в соответствии с 318 статьей требуют, чтобы в своем заявлении гражданин указал не просто событие, но ещё и написал фамилию, имя, отчество и место жительства того, кто его избил и над ним издевался. Если он это не пишет, то мировой суд это заявление не принимает, человека отфутболивают. Он приходит опять в милицию и болтается между мировым судом, милицией и прокуратурой.

Конституционный Суд признал это неконституционным. Но, к со-

жалению, за 1,5 года Государственная Дума не исполнила это решение Конституционного Суда в нарушение Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде". И никаких подвижек в этом направлении нет, насколько я знаю.

За этот же период у нас случилась Кондопога, у нас случились ульяновские события, которые, на мой взгляд, полностью основываются на этих массовых нарушениях прав граждан, прав потерпевших. Кондопога случилась потому, что сотни людей обращались в милицию с тем что, что их избивают две этнические группы, азербайджанская и чеченская. Заявления эти не принимались, направлялись в мировой суд, никакой реакции не было. В результате это все переросло в убийство, а убийство – в массовые беспорядки. Журналисты сейчас кричат о русском фашизме. Какой русский фашизм? Просто неприятие мер. Безобразный Уголовно-процессуальный кодекс, который ведет к нарушению, массовому нарушению прав человека.

То же самое в Ульяновске. Молодежные банды бесчинствуют более года там, более года бесчинствуют. Не принимается никаких мер, пока прутьями не убили несколько человек в новогодние праздники. Только тогда начали реагировать, когда совершились тяжкие преступления. Опять из-за того, что не исполнено решение Конституционного Суда номер 7П.

Если мы говорим о защите прав потерпевших, давайте у себя в законодательных органах, прежде всего, исполнять решения Конституционного Суда и потом двигаться дальше.

Проблема вторая. Она связана с совершенно дикими событиями, которые произошли сейчас в Нижнем Тагиле. Но так случилось, что я по поручению председателя Конституционного Суда проводил анализ ситуации с массовым поступлением жалоб в Конституционный Суд о нарушении прав граждан в связи с тем, что не разыскивают лиц, пропавших без вести, не разыскивают этих людей. Никто этим серьезно не занимается.

Статистика такая: за 5 последних лет у нас количество лиц, которые находились в розыске в связи с их безвестным исчезновением, увеличилось примерно на 9 процентов, со 110 тысяч до

120 тысяч. В прошлом году не найдено около 50 тысяч лиц, которые были в розыске в связи с безвестным исчезновением. Это количество, 50 тысяч, на 40 процентов больше, чем 5 лет назад. То есть, за 5 последних лет на 40 процентов увеличилось количество лиц, пропавших без вести, в отношении которых проводился розыск и которые так и не были найдены.

В этот же самый момент наше Министерство внутренних дел объявляет, что за последние 5 лет количество убийств снизилось на 18,5 процентов и составило в прошлом году 27,5 тысяч. Ну если 27,5 тысяч убийств и 50 тысяч не разысканных людей, а по экспертным оценкам как минимум треть из этих не разысканных людей убиты, то о каком снижении убийств мы можем говорить? Кого мы обманываем? Что это за самообман? Себя, народ, руководство? Зачем все это делается? Это и есть массовые нарушения прав человека.

В Нижнем Тагиле, я участвовал в телепередаче "Судите сами". Там рассказывают сами люди, матери девочек убитых, как в течение 5 лет они ходили в органы милиции, прокуратуры. Никаких мер не принималось. Мать убитой девочки, бывшая жена главаря банды Чудинова рассказывает, что в милиции говорит: он педофил, он насильник, он сутенер – никаких мер не принималось. Никто детей не искал, пока собака случайно не разрыла могильник и не нашла там более 10, ещё не говорят сколько, вот говорят, что 15 трупов, а по другим данным более 30 трупов девочек, убитых в этом могильнике было. Никто их не искал, никаких мер не принималось. Нижний Тагил – это не нижнетагильская аномалия. Это аномалия всей системы правоохранительной по реагированию на розыск лиц, пропавших без вести. Такая же ситуация с неопознанными трупами.

За последние пять лет количество неопознанных трупов, в отношении которых проводились мероприятия по опознанию, увеличилось в 2,5 раза в стране. На 40 процентов увеличилось число без вести пропавших, ненайденных, и в 2,5 раза увеличилось количество неопознанных трупов. И мы что, будем при этом говорить о снижении тяжкой преступности против личности? Мы будем говорить при этом о том, что у нас защищаются права потерпевших? Николай Александрович

правильно сказал, что закон о защите прав свидетелей – это экзотика. Давайте не об экзотике думать, а о повседневных нуждах наших людей. Давайте думать о тех, кого каждый день избивают, кто пропадает без вести. Давайте реагировать на элементарные какие-то вещи, и, самое главное, исполнять решения Конституционного Суда.

---

**Терри Кинни (Terry M. Kinney),**

Постоянный представитель  
по правовым вопросам  
министерства юстиции США  
при Посольстве США

---

От имени Министерства юстиции США я хотел бы поблагодарить вас за то, что вы дали мне возможность выступить по этому очень важному вопросу. В Соединённых Штатах уже какое-то время назад мы осознали необходимость защиты наших свидетелей. И мы поняли, что это особенно важно при проведении расследований по уголовным делам. И что касается нашего конкретно закона о защите свидетелей, это закон, который защищает свидетелей по особым типам преступлений, особенно которые связаны с организованной преступностью.

За последние несколько лет мы вдруг поняли, что наша программа защиты свидетелей работает недостаточно адекватно. И именно в этой связи мы ввели в наше законодательство целый ряд изменений, для того чтобы эта программа работала достойным образом. За последнее время у меня была возможность ознакомиться с вашим законодательством, а также переговорить с представителями МВД, с президентской администрацией, с представителями Думы, с теми людьми, которые занимались написанием закона. Но, когда я обсуждал эти вопросы, то обратил внимание на то, что существуют некоторые противоречия относительно чисто практической стороны дела.

Существует, так сказать, разность мнений относительно того, должен ли закон применяться ко всем жертвам преступления и должен

ли закон применяться до начала, так сказать, во время расследования, до начала судебного процесса. Насколько я понял ваш закон, то программа защиты свидетелей относится к жертвам всех преступлений и начинается процесс защиты свидетелей до того, как открывается дело, то есть на стадии расследования. И для того чтобы ваш закон заработал достаточно эффективно, необходимо более чётко прояснить это в законе.

Однако в Соединённых Штатах мы обнаружили, что программы нашего законодательства по защите свидетелей недостаточны, они не охватывают некоторые преступления, в частности, преступления, которые связаны с торговлей людьми. В Соединённых Штатах мы дополнительно приняли законы, которые, так сказать, охватывали сферу помощи жертвам преступления. И, насколько мне известно, сейчас в России разрабатывается всеобъемлющий закон, который направлен на помощь жертвам торговли людьми. И этот закон поможет жертвам преступления в сфере торговли людьми, поможет защитить права этих людей и восстановить их. Собственно, самым главным в этом является то, что если жертва преступления не даёт показаний, то фактически у нас нет материала, мы не можем наказать виновных. Прокурор не получает должной информации и должных свидетельств, и мы не можем открывать дело.

Почему, собственно, я нахожусь здесь, в России? Я занимаюсь тем, что налаживаю сотрудничество между американской полицией и российскими правоохранительными органами. И мы в Соединённых Штатах считаем, что нам ещё надо достаточно много сделать для того, чтобы разработать нашу программу по защите свидетелей. И вот сейчас, когда я слушаю то, о чём говорите вы, я думаю, что мы и у вас можем чему-то научиться.

И я хочу сказать, что с нетерпением ожидаю нашей совместной работы. И очень рад поучиться и на вашем опыте, и хотел бы поблагодарить за то, что вы предоставили мне возможность выступить сегодня в этой аудитории.



---

**Елена Дозорцева,**

руководитель лаборатории  
Государственного научного центра  
социальной и судебной психиатрии  
имени Сербского

---

Никого не нужно убеждать в том, что потерпевший – это человек, который испытал сильную психологическую травму, и он нуждается в помощи психолога и зачастую психиатра. Это может быть посттравматическое стрессовое расстройство, которое лишает человека продуктивности и качества жизни в той мере, в которой он мог бы ею пользоваться, если бы он не попал в эту тяжёлую ситуацию. Конечно, ему необходима эта помощь.

Существует ли у нас сейчас эта помощь? Вот движение "Сопротивление" сейчас, наконец, организовало консультативный центр, где такая помощь оказывается. Кроме того, вариант такой помощи существует и в нашем центре Сербского, но, к сожалению, воспользоваться ею могут очень немногие.

Нет правовых оснований для оказания этой помощи в широком масштабе по всей стране. Поэтому крайне необходимо ввести в законодательство возможность оказания такой помощи, возможность компенсации такой помощи, которую будут получать потерпевшие и во многих случаях свидетели, потому что свидетели тоже, если это тяжкое преступление, они могут страдать от последствий психологической травмы. Это первое.

Второе, о чём мне хотелось бы сказать, – это проблема детей потерпевших и свидетелей. Когда такие дети могут встретиться с психологом, когда психолог выступает в качестве эксперта.

Вот мы получаем уголовное дело, предположим, шестилетнего потерпевшего. И видим, что он давал три раза показания следователю, он будет три раза разговаривать со специалистами, с психологом, с психиатром и с комиссией психологов и психиатров у нас, он ещё пойдёт в суд давать показания. По сути, к той психологической

травме, которую он уже получил, добавляется еще и травма постоянного повторения рассказа о том, что с ним произошло. В зарубежных же законодательствах предусмотрено участие психолога на предварительном следствии, и там один раз опрашивается ребенок-потерпевший, а дальше это всё в видеозаписи воспроизводится, и в суде ребенка представляет психолог, который работает с этим потерпевшим.

Таким образом, здесь у нас две проблемы. Первая: это сопровождение ребёнка на стадии предварительного следствия и в суде для того, чтобы минимизировать тот вред, который мы можем принести ему своими правовыми необходимыми, но такими вот тяжёлыми для него действиями. И второе: это оказание психологической помощи, снятие психологической травмы, которую ребёнок получил в результате самого преступления.

Всё это необходимо прорабатывать на законодательном уровне, на уровне открытия специальных центров, на уровне экономическом – финансирования этой помощи. И я думаю, что рабочая группа непременно должна этим заняться.

---

**Валерий Лазарев,**

учёный секретарь

Научно-консультативного совета

при Федеральной палате адвокатов

---

Проблема, которая сегодня здесь обсуждается, – это проблема не только России, это проблема и Европы. Эта проблема возникла не сегодня, и если вы посмотрите рекомендации Совета Европы, июньские – 1985 года, то увидите, что в этих документах констатируется, что система правоохранительная и судебная складывалась на основе взаимоотношений государства с обвиняемыми, подсудимыми, но она, эта система, игнорировала потерпевшего изначально. Рекомендации Совета Европы в этой части сводятся к тому, чтобы переоценить вот эту методологическую установку. У нас не бы-

ло вообще исследований о правомерном поведении граждан, вообще. У нас нет крупных работ о потерпевших и защите потерпевших. Вот те брошюры, которые предлагает нам организация, практически самодеятельная, всё-таки это не то. Необходимо подключение Академии наук, необходимо подключение серьёзных фондов с тем, чтобы проводить серьёзные исследования.

Сегодня как раз мы можем констатировать, что высшие органы государственной власти обеспокоились этим положением. Не так давно в Конституционном Суде состоялось решение в пользу потерпевшего, имея в виду его участие в надзорном судопроизводстве. Конституционный Суд, и об этом говорят публичные выступления Председателя Конституционного Суда, сориентировался на то, чтобы иметь в виду и серьёзно иметь в виду интересы потерпевшего. Об этом же, я думаю, свидетельствует и позиция Государственной Думы. Не только потому, что сегодня "круглый стол" на эту тему здесь проходит, но и потому, что принят всё-таки был закон, который здесь не один раз упоминался. Но в этой части я бы полагал, и, может быть, это могло бы быть одной из рекомендаций, что сегодня каждый закон, любой закон должен проходить экспертизу – чтобы интересы потерпевших были учтены. Вот, скажем, сейчас в производстве уже новый закон об исполнительном производстве – он сейчас уже, по-моему, поступил в Государственную Думу. Боюсь, что там далеко не во всём учтены, а могут быть учтены, интересы потерпевшего. И так в любом законе.

Я вхожу в Научно-консультативный совет Федеральной палаты адвокатов. Адвокатское сообщество констатирует, к сожалению, что с органами милиции, с органами следствия и суда, даже суда, далеко не всегда адвокаты находят взаимопонимание. Адвокаты изворачиваются, извините за выражение, с тем чтобы представлять интересы потерпевшего в должной степени. У нас закон о милиции ведь, в общем-то, игнорируют. У нас многие законы, которые относятся и к деятельности следственных органов, всё-таки они как-то обходят эту ситуацию потерпевших, по той простой причине, что действительно сориентировано всё на то, чтобы разыскать, обви-

нить, обличить. Это так, но другая сторона остаётся открытой.

Я в заключение скажу одно. Государство сильно отношением граждан к власти, к своим представителям. И отношением именно тех, кто ведёт себя правомерно. И именно отношением тех, кто, увы, оказался в числе потерпевших, этих миллионов людей. И с этой точки зрения, мне кажется, чревато серьёзными опасностями, очень серьёзными опасностями, если, прежде всего, законодатели не осознают в полной степени этой ответственности, если правоприменители не будут строго и точно выполнять те решения, которые состоялись в Конституционном Суде и те законы, которые уже приняты Государственной Думой.

---

**Марина Илюшина,**  
профессор Российской  
Правовой академии

---

Последние 13 лет своей профессиональной работы я была связана с деятельностью волонтерских организаций. Тем направлением, что направлено на консультирование жертв преступлений.

Как цивилиста по специальности, меня больше всего волнует не столько уголовное законодательство, сколько реабилитация и возможность компенсации морального, материального, имущественного вреда жертвам преступлений. И в этом контексте два вопроса.

Во-первых, вопрос, связанный с возможностью реабилитации пострадавших как личности, то есть вопрос психологической службы на базе юридического понимания ситуации. И второй момент, связанный с тем, что гражданское законодательство может предложить пострадавшим лицам после того, как они вышли из ситуации крайней, уголовно-процессуальной, уголовно-правовой и вернулись в ту жизнь, в которой они жили до совершения преступления.

Всем нам известно, что отсутствует вообще какая-либо четкая го-

сударственная позиция, которая позволяет соединять консультирование в адвокатских конторах, связанное с профессиональной деятельностью адвокатов и иных лиц в этой сфере, с проблемой психологической "разгрузки" потерпевшего. Я, например, как юрист, консультирую человека, который ко мне пришёл со своей проблемой, например, жилищной, как жертва того или иного преступления или другой какой-то проблемой. И прежде чем начать его консультировать, я должна его успокоить, понимаете меня? Успокоить и сказать, что вот это все мы рассмотрим, это мы посмотрим, ничего не бойтесь, вас этот не обидит, этот вас каким-то образом не унизит и так далее. То есть, получается так, что юрист сейчас, который занимается консультированием, то есть адвокат классический, прежде чем начать консультировать, он сталкивается с этой проблемой – психологической разгрузки. Те организации, в которых я работала, волонтерские я имею в виду, "Анна", "Фатима", – это организации, которые были ориентированы на жертв бытового насилия, на защиту прав потерпевших. И опыт свидетельствует об актуальнейшей необходимости отработки этой программы. Если адвокат не может себя проявить как психолог, он никудышный адвокат.

Второй вопрос, касающийся возмещения морального и имущественного вреда. Мне здесь была не совсем понятна позиция заместителя Министра юстиции Колесникова, заявившего, что не понятно, вообще не ясно, как регулируется вопрос возмещения морального вреда. Этот вопрос очень хорошо регулируется гражданским законодательством, очень позитивно, а именно: возмещению подлежат нравственная и физическая сторона, не причиненные гражданину в отношении нематериальных благ, то есть жизнь, здоровье, речь идёт о таких объектах, как жизнь, здоровье, иных нематериальных благ.

Другое дело, что это касается субъективного подхода, который есть у нас в праве. И здесь многие адвокаты, многие юристы-цивилисты скажут, что писаное право – это хорошо, конечно, но не надо забывать, что эта сфера отдана на усмотрение суда – каков моральный вред, какие моральные страдания. И вот складывающаяся

ся тенденция и в области гражданских прав, и в области уголовных прав показывает, что ценности-то наша личность потерпевшего на сегодняшний день не имеет. Посмотрите, какие фигурируют цифры (я не с потолка их беру, я участвовала во многих процессах, вытекающих из уголовных дел) – 13 тысяч рублей, 12 тысяч рублей, 30 тысяч рублей. А когда мы начинаем говорить, что в США за то, что облили в "Макдональдсе" даму, покупающую кофе, взяли там 200-300 тысяч долларов, нам говорят: "Так это США, а не Россия". И что в этой ситуации сказать, мои уважаемые? Только одно: очень многое зависит даже не от закона, а от того правосознания, которым обладают не граждане неграмотные, а судьи-правоприменители, которые осуществляют правосудие.

И вот в этой сфере, прежде чем говорить о законах, которые четыре чтения пойдут, обсуждения и так далее, можно соответствующим правоприменителям, я имею в виду Верховный Суд Российской Федерации, высказаться по этому вопросу. Есть прекрасная форма реагирования – постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Эта форма не используется. Или боимся мы чего-то, или ориентировать боимся людей на какие-то цены? Это очень тяжёлая материя, которая всегда возмущает всех нас – и адвокатов, и профессоров, которые читают лекцию, а студенты спрашивают: "Сколько вот, если вот такое случится, сколько я могу просить суд? Сколько я могу просить?" – Я говорю: "15 тысяч рублей за то, что тебя облили кипятком с ног до головы". Вот, мои уважаемые. Вот такая ситуация.

Поэтому, говоря о каких-то формах создания, конечно, закон прекрасный, закон замечательный, если только в законе будет написано, что при таких преступлениях, вот по такой методике мы должны возмещать моральный вред. При таких преступлениях – по такой методике. Хотя, наверное, это невозможно сделать, закон ведь не инструкция. Но все же, что касается правоприменительной практики, то вполне возможно реагирование уже сейчас. Не завтра, не послезавтра, а сейчас.

---

**Алексей Волков,**  
депутат ГД ФС РФ,  
член комитета ГД по безопасности

---

В нашем УПК более 400 статей, и все направлены на защиту обвиняемого. Четыре, по-моему, или пять статей, только на защиту потерпевшего. И вот в связи с этим одна из статей говорит о том, что нужно согласовывать возбуждение уголовного дела с прокурором, каждое. Вот в свете сегодняшней темы посмотрите, что получается.

Казалось бы, возбуждение с согласия прокурора, безусловно, даёт возможность контролировать законность и так далее, и тому подобное. На самом деле всё совершенно по-другому. Эта статья была принята, такое решение лично, допустим, под Генерального прокурора Устинова в своё время, потому что у прокуратуры отнимали функции дачи санкции, арест обвиняемых. Что получается в итоге? Страшная ситуация для защиты потерпевших и обвиняемых.

Для примера, чтобы понятно было. Выезжает на место происшествия оперативно-следственная группа, днём или ночью, не имеет значения. У нас страна большая. Я когда-то служил в Амурской области, 363 тысячи квадратных километров, Англия и Болгария вместе взятые. По линии БАМа, в Тынде есть райотдел, 300 километров от Тынды отделение милиции. Прокурора, естественно, там нет. Добираться только по ветке БАМа. В то время, когда я там служил, один раз в неделю ходил поезд. Выезжает, допустим, на факт разбоя группа: следователь милицейский, начальник милиции, эксперт – все, как положено. Выезжают на место, осматривают, всё – больше ничего нельзя делать. Собирают материалы, ждут, когда поезд придёт очередной, едут в Тынду, получают разрешение, через неделю или две возвращаются.

Представляете, разбойное нападение или, допустим, наркотики, но даже допросить потерпевшего нельзя, а если это тяжкое преступление со смертельным исходом, он через день, через два

умрёт – концы в воду. Представляете, страшная какая картина. И никто, кстати, об этом не говорит, потому что не хотят ссориться с Генеральной прокуратурой. Нужно немедленно принимать решение об отмене этой статьи УПК. И вводить прежнюю форму: следователь наркокомитета, ФСБ, МВД возбуждает, в течение суток уведомляет, и пусть прокурор принимает решение. Тогда он уже письменно принимает решение. Ну, это уже вторая часть.

Ещё простой пример. Тува. Это из данных МВД. Кража полстада баранов. Выезжает следственно-оперативная группа в гору куда-то далеко, а сами чабаны поймали этих преступников. Они ничего не могут, ни забрать с собой, ничего. Выезжают, осматривают и говорят: вы их тут как-то поддержите. А те вроде бы сами их привязали к дереву или к чему-то. То есть ставим в какое положение свидетелей, потерпевших, заявителей? В ужасное. Вот только одним, казалось бы, благим намерением улучшить законность.

И дальше, с точки зрения коррумпированности или коррупционности этой нормы. Я ещё раз говорю, это принималось раньше, в предыдущей Думе, по организованной преступности, по экономическим преступлениям: нужно идти и получать согласие у прокурора на возбуждение уголовного дела. Приходит любой оперработник ФСБ, МВД, наркокомитета, допустим, по наркотикам, а тот отказывает. Процессуально ничем не предусмотрено, чтобы он давал письменное указание или принимал решение на постановление об отказе. Все это знают, весь преступный мир об этом знает. Вот он уходит и принимает решение. А на самом деле дал прокурору указание, но устное. А вот когда он отменяет это постановление уже возбужденное, тогда он отвечает, почему он это сделал. Страшно затратная статья. Бегают люди по всей стране, ищут прокурора. Уезжает с места происшествия группа, свидетели и потерпевшие расходятся и разъезжаются, тот в отпуск, тот умер, тот по делам каким-то, уже не найдёшь. И качество следствия, и реагирование... И получается, вся страна мучается только потому, что когда-то в угоду кому-то приняли вот такое решение.



Эта ситуация, она для страны страшно затратная, страшно коррупционная, и страшно не защищены в ней потерпевшие, свидетели, вот те как раз, о которых мы сегодня с вами говорим. Спасибо за внимание.

---

**Надежда Муратова,**  
профессор кафедры  
уголовного процесса и криминологии  
Казанского госуниверситета

---

Я хотела бы высказать некоторые соображения по теме "Концептуальные основы совершенствования статуса жертвы в уголовном судопроизводстве".

Законодательное регулирование понятия "жертва" носит фрагментарный характер. Это, видимо, исходит из того, что юридическое понимание этого слова связывают, в основном, с лицом юридическим и физическим, получившим ущерб от незаконного действия. Ещё более узкий смысл слова в криминологическом слове – это "жертва преступления".

*Впервые в 1990-м году авторы теоретической модели Основ уголовно-процессуального законодательства и УПК РСФСР предложили гуманистический широкомасштабный проект концепции "О защите жертв преступлений", где было и возмещение, где были и фонды. Следующая модель была разработана Институтом ВНИИ проблем укрепления законности – там отмечалось, что жертва преступления (потерпевший) имеет право на компенсацию и по тому делу, где не установлено виновное лицо. Дальше потребовался ряд модельных и законодательных актов, в том числе модель УПК РФ, который также предложил свою модель защиты жертв преступлений. В частности, в статье 204 УПК, модели УПК, говорится: право потерпевшего на получение компенсации за счёт независимого государства, в том числе предлагает-*

ся и денежная сумма, то есть механизм отработан.

Не все бывшие республики Советского Союза пошли по этому пути. Но короткий обзор вам поможет понять, если вы это подзабыли или не совсем обращали на это внимание.

Берём УПК Украины 1960 года. До сих пор УПК не принят, но с дополнениями, изменениями. Предлагают, если лицо установлено – после приговора вступит в законную силу, не установлено – в гражданском порядке, о чём Марина Николаевна здесь чётко сказала.

УПК Белоруссии 1999 года: права потерпевших также, в том числе и в гражданском порядке.

В Латвийской Республике, 2005 год, новый УПК прямо предусматривает возмещение вреда причинённого преступлением, в том числе по неустановленным лицам. Больше того, предусматривается фонд компенсации потерпевшему, и виновное лицо уплачивает сбор за уголовный проступок 10 латов, за менее тяжкое – 15 латов, за тяжкое преступление – 20 латов, за особо тяжкое – 25 латов.

УПК Казахстана, 1997 год. Подробно регламентируются права потерпевшего, в том числе и имущественные, в том числе и гражданского судопроизводства, о взаимосвязи мы уже слышали.

УПК Армении. Также устанавливает право потерпевшего на компенсацию, в том числе и по нераскрытому преступлению.

Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ имеет отсылочные нормы к закону о компенсации вреда потерпевшему, и к федеральному закону об оказании помощи жертвам преступлений.

Во Франции, там УПК Франции, который с дополнительными изменениями, предлагает нам исковую давность 30 лет по преступлению, которым причинён вред по вступившему приговору в законную силу, если установлен обвиняемый.

Профессор Иван Яковлевич Гелинский говорил в своих лекциях, что 72 процента жертв преступлений вообще не заявляют. По каким причинам? Он это говорит: “Милиция не стала бы ничего делать, бессилие милиции, незначительность ущерба, отсутствие доказательств, неизвестность подозреваемого”. Поэтому я, участвуя в этой акции, задаю вопрос: может быть нам подумать об определении жертвы уголовной юстиции и, может быть, объединить в ряд групп жертв уголовного судопроизводства, которые мы все хорошо знаем? Я считаю, что нужно разделить и подумать о четырёх группах лиц – это, первое, жертвы преступления; второе, жертвы уголовного преследования или ограничения прав; жертвы преступлений, по которым не установлено лицо; и жертвы нарушений Европейской конвенции. Все вы знаете, какое количество жертв... потерпевших обращается в Европейский суд. Именно такой подход, мне кажется, позволяет выявить и поставить ряд проблем, и приблизиться к возможной современной модели статуса жертв уголовной юстиции.

Складывающаяся правоприменительная практика делает нам определённые сюрпризы. Поскольку я действующий адвокат, бывший следователь прокуратуры, сижу в архивах и регулярно изучаю действующую судебную практику, судебная практика не стала развиваться ни по пути взыскания денежных сумм со следователя и прокурора, публично заявивших о совершении преступления в трудовом коллективе обвиняемым, который позже был оправдан. Практика по этому пути не пошла. Она не пошла по пути и взыскания с государственной казны денежных сумм по делу, где не установлено лицо, подлежащее привлечению к уголовной ответственности. Вот это дело, когда я представляю интересы потерпевшей – женщины, пенсионерки, вложившей труд в наше здоровье, врач-терапевт, будучи на пенсии, её ограбили, точнее, квартирная кража на 1 миллион 700 тысяч рублей... Денежная сумма 1 миллион 700 тысяч рублей, ценности, золото, которое она копила годами и, в том числе, её семья старинного такого рода. Пятнадцать раз в течение двух лет дело приостанавливалось, из этих 15-ти постановлений о приостановлении, десять раз признавалось незаконным прокурорским надзором и четыре раза су-

дебным контролем. И 12 июля 2006 года один из районных судов города Казани, на территории которого находится Федеральное казначейство, отказал нам в удовлетворении искового заявления о возмещении ущерба, причинённого деянием, по которому не установлено лицо. В решении суда было написано: наше требование не основано на законе. И, наверное, мы с вами вспомним 1990-й год, закон о собственности в СССР, где статья 30-я предлагала нам быть защищёнными государством в том случае, если не раскрыто преступление. Поэтому сейчас мы жалобу послали в Европейский суд. По делу сформулировали и послали жалобу в Европейский суд по гражданке Степановой.

Это происходит по нескольким причинам, на мой взгляд. Во-первых, отсутствует концептуальная основа судебной реабилитации в современном уголовном процессе; отсутствие эмпирических исследований с целью выявления закономерностей складывающейся практики и возможности компенсации потерпевшим денежными суммами; отсутствие мониторинга по вопросам востребованности института реабилитации граждан и возмещения... вот востребованности механизмов гражданского судопроизводства. Здесь прозвучала и очень актуально у выступающих, что жертвы-то могут быть разными. Они могут быть детьми – жертвами преступлений, жертвы – судьи, жертвы – политики, жертвы – журналисты... Может быть дифференциация этих жертв позволит нам выйти на какую-то концепцию защиты общего масштаба и в криминалистическом плане, и в уголовно-процессуальном плане.

Что я предлагаю? Я предлагаю статью 5 УПК Российской Федерации дополнить новым пунктом – 10.1: "Жертвы уголовной юстиции" – это физические и юридические лица, которым причинён ущерб деяниями, влекущими уголовную ответственность, а также действиями и бездействием, решением суда, прокурора, имеющие право на обязательную публичную судебную защиту, получение статуса "жертвы" и полного возмещения государством и обществом установленного вреда. Предлагается новый раздел – 6.1 в части первой: "Судебная реабилитация жертв уголовной юстиции", где содержится четыре главы:

первая, реабилитация невиновных, возмещение вреда на применение мер процессуального принуждения, возмещение вреда юридическим лицам... пока я не услышала здесь об этом, хотя это положительный... безусловно, говорили об этом, что положительный момент, статья 139-я "Полная защита государством юридического лица". Я тоже на практике прошла это, и не районный суд это возмещает, а арбитражные суды, то есть взаимосвязь судопроизводства налицо.

Поэтому, завершая выступление, я вам могу коротко сказать: сидя в архивах, занимаясь проблемами судебного контроля, защищая докторскую, я представила цифры, а цифры следующие.

На отказ о возбуждении уголовного дела подаётся жалоба, как все вы хорошо знаете, свобода обжалования. И 46 процентов судами признаётся незаконно обоснованными – отказ в возбуждении уголовного дела. 18 процентов судами признаётся, это мои личные авторские исследования, поскольку я пласт дел беру и сплошь их изучаю. 18 процентов в возбуждении уголовного дела признаётся незаконным. А общая цифра такова. По данным обзора судебной статистики за первое полугодие 2003 года первые цифры были. Общее количество судами Российской Федерации, как свидетельствует опубликованная практика, 37 процентов признаётся незаконно обоснованными действия решения. По моим данным 33,3, по данным прокуратуры официальное 30,6.

---

**Елена Богданова,**

доцент Белгородского университета  
потребительской кооперации

---

Важнейшим инструментом защиты прав потерпевших является компенсация морального вреда. И, как мы уже слышали, данный способ защиты вызывает определённые сложности. Вызваны сложности различными обстоятельствами, прежде всего это касается определения размеров компенсации морального вреда.

Размер компенсации морального вреда действительно чётко в

законе не определён. И по ряду причин трудно определить данный размер. У нас есть статья 1101 Гражданского кодекса, которая говорит, что размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера физических и нравственных переживаний гражданина. В свою очередь характер нравственных и физических переживаний гражданина определяется с учётом фактических обстоятельств дела и индивидуальных особенностей потерпевшего. В этой связи определиться очень сложно, учитывая, что фактически обстоятельства дела каждый раз разные. И учитывая то, что индивидуальные особенности потерпевшего не позволяют нам чётко определить рамки размера возмещаемого морального вреда.

В этой связи может быть логичнее пойти по пути украинского Гражданского кодекса, который предлагает обозначить минимальный размер компенсации морального вреда, чтобы таким образом установить определённую планку для судебных органов, которые, уже основываясь на минимальном размере, могут повышать его, или руководствоваться этим самым минимальным размером возмещения морального вреда.

Очень больной, на мой взгляд, вопрос о компенсации морального вреда малолетним гражданам. Надо сказать, что есть у нас норма, которая в законе, которая позволяет возмещать малолетнему потерпевшему имущественный ущерб. Это статья 1087, она говорит, что если малолетний не работал, не имел заработка, ему возмещаются те расходы, которые понес он, на возмещение, на улучшение своего здоровья.

В то же время у него есть право на компенсацию морального вреда. Однако возникает вопрос, как оценить степень нравственных переживаний и физических переживаний ребенка. Если с точки зрения физической боли мы можем предположить, да, определённую сумму возмещения, то нравственные переживания – это очень серьезная ситуация, связанная с тем, что малолетний по мере своего развития и по мере того, как он становится старше, более отчетливо будет сознавать тот вред, который ему причини-

ли. Когда, допустим, в силу физического увечья он не сможет получить работу, не сможет получить образование, не сможет устроить в конце концов свою семейную жизнь, естественно, что его нравственные переживания будут все более интенсивными.

Поэтому, на мой взгляд, в этом случае хотелось бы, чтобы у нас законодатель пошел по пути, аналогичному возмещению материального ущерба. У нас есть норма статьи 1090 Гражданского кодекса, которая позволяет потерпевшему требовать от причинителя вреда увеличение размера возмещения причиненного ему вреда в случае, когда его трудоспособность в дальнейшем уменьшилась.

Я считаю, что целесообразно будет дать потерпевшему, которому был причинён вред в малолетнем возрасте, право по достижении 18 лет требовать дополнительной компенсации морального вреда, с учетом той суммы, которая была ему выплачена ранее, в связи с тем, что, конечно, степень нравственных переживаний, которые он осознает к совершеннолетию, будет гораздо больше.

---

**Александр Аппенянский,**  
член Президиума и Ученый секретарь  
Российского общества психиатров

---

В Москве существует довольно обширная развёрнутая служба – помощь пострадавшим в чрезвычайных ситуациях, жертвам экстремизма и терроризма. При необходимости, пожалуйста, и сами обращайтесь и переправляйте ваших клиентов, пациентов к нам. Телефон запишите, если вам интересно: 628-58-18. Это отделение психотерапии, психотерапевтическая и психологическая помощь пострадавшим при чрезвычайных ситуациях и так дальше. Служба эта бесплатная, и помощь оказывается всем желающим.

Кроме того, в Москве в поликлиниках тоже работают бесплатные психотерапевтические кабинеты. Таких у нас в городе 170. Там работают врачи психотерапевты, медицинские психологи. Пожалуйс-

та, не забывайте про такое звено оказания помощи. В Москве работает большая служба психологической помощи населению при правительстве Москвы. Там 7 филиалов территориальных, центральное учреждение, и они оказывают помощь людям.

Чтобы мне хотелось сказать здесь сегодня? Два момента.

Первый момент, то, что у нас есть проблемы с защитой прав на здоровье работников, оказывающих помощь пострадавшим. Люди эти, как знают специалисты, выдерживают массивный удар горестных обстоятельств, в которых они работают. И у них формируется особое психическое расстройство депрессивного спектра, которое называется у психологов "эмоциональным выгоранием". Эти специалисты нуждаются в том, чтобы законодательно было подтверждено право на особые условия труда в процессе непосредственной работы в таких ситуациях и реабилитацию.

Для работников Министерства обороны такие системы или мероприятия предусмотрены. Для гражданских ведомств – нет. Вот это первый вопрос, на который я хотел бы обратить внимание.

Второе – это, как это ни странно, ну вот такая конкретная история. В городе Чита была госпитализирована в связи с развившимся психозом судья Арбитражного суда, которая на следующее утро, когда состояние улучшилось, была благополучно отпущена домой. Но судья обратилась в суд, и четыре читинских женщины-психиатра, которые оказывали ей помощь, в результате оказались осуждены на два и на три года условно, с лишением права заниматься профессиональной деятельностью, которое в дальнейшем было снято. В результате в городе Чите появился следующий случай, когда другой судья не получил медицинскую помощь, поскольку местные психиатры уже боялись последствий, которые они видели на примере своих коллег.

Мы сейчас, Российское общество психиатров, обратились в Верховный Суд за разъяснением. Вот я не знаю, это называется, наверное, правоприменительной практикой в этих вопросах, но вот это тоже вопрос, который, по-видимому, в законодательстве следует подработать.



---

**Николай Ковтун,**  
профессор кафедры  
уголовного права  
Нижегородского филиала ГУ  
"Высшая школа экономики"

---

Здесь прозвучало много полезных выступлений, и я бы хотел сказать, что некоторые были несколько надуманы, некоторые, действительно, несли в себе полезную информацию. Я на самом деле полагаю, что проблема защиты свидетелей и потерпевших носит достаточно комплексный характер, и она во многом навязана нам теми проблемами, которые были связаны с принятием нового УПК, с принятием новой Конституции Российской Федерации и так далее, и тому подобное.

Во-первых, это проблемы теоретического характера.

Во-вторых, это проблемы нормативного характера, материального, кадрового и тому подобного характера.

Вот, прежде всего, здесь один коллега упоминал нам о том, что в соответствии со статьёй 52 Конституции у нас, дескать, потерпевший имеет право на компенсацию вреда, причинённого им преступлением. Да, имеет, но формулировка такова, что, к сожалению, нам навязана дискуссия о том, что у нас есть так называемый принцип презумпции невиновности, который считается одним из наибольших достижений нашей судебной-правовой реформы.

Одним из принципов положения этой презумпции невиновности является то, что у нас признать человека виновным можно только приговором суда, но одновременно и то, что этот человек совершил преступление можно признать тоже только приговором суда.

И тут мы опять возвращаемся к той знаменитой статье 30. К сожалению, пока по статье 52 Конституции человек получает право на компенсацию, потерпевший получает право на компенсацию, только в том случае, если это преступление выявлено, раскрыто,

если по этому преступлению состоялся обвинительный приговор суда и приговором суда подтверждено, что это действительно преступление, и тогда он получает право на компенсацию. А если это преступление не раскрыто, не выявлено, если оно, не дай Бог, прекращено на стадии предварительного расследования, то никакого права потерпевший по нашей Конституции совершенно не получает.

Я хотел бы обратиться к некоторым нормам УПК, которые, я считаю, не соответствуют требованию законности, которое требовал тут от нас заместитель министра юстиции, ни тем положениям, которые декларировались при принятии УПК.

Когда принимали новое УПК Российской Федерации, у нас одним из основных тезисов были ссылки на то, что в УПК РСФСР 1960 года за 40 лет его существования было внесено более 400 изменений, и что эти 400 изменений больше не позволяют улучшить это УПК РСФСР, а вот новый УПК, построенный на новых демократических началах, совершенно стабилизирует всё, что делается в сфере уголовного судопроизводства. С тех пор прошло пять лет. В новое УПК Российской Федерации внесено уже около 500 изменений, а порядка как не было, так и нет.

В нынешнем УПК есть целый ряд норм, который действительно нуждается в улучшении, в изменении и некоторые из этих норм, в том числе посвящены и защите свидетелей и потерпевших. И я начну, буквально, с первых статей УПК. Попробую коротко. Итак, статья 5 пункт 56: "Уголовное судопроизводство – это досудебное и судебное производство по уголовному делу". Я считаю, что необходимо изменить редакцию данной нормы и изложить её примерно так: "Уголовное судопроизводство – это досудебное и судебное производство, которое реализуется в порядке, установленном настоящим кодексом". В чём проблема? – скажут процессуалисты. Проблема вот такая. В пункте 5 статьи 56 законодатель оперирует лишь к производству по уголовному делу. Между тем уголовное судопроизводство включает в себя и стадию возбуждения уголовного дела, которое по этому пункту и вроде как уголовным

судопроизводством не является.

Часть 2 статьи 7: "Суд, установив в ходе производства по уголовному делу несоответствие федерального закона или иного нормативного правового акта настоящему кодексу, принимает решение в соответствии с настоящим кодексом". Как надо? "Суд, установив в ходе уголовного судопроизводства несоответствие федерального закона или иного нормативного акта к настоящему кодексу принимает решение в соответствии с настоящим кодексом". Почему? В том определении, которое имеется в части 2 статьи 7, а законодатель опять апеллирует только к ходу производства по уголовному делу. А та деятельность, которая в стадии возбуждения уголовного дела? Суд является участником деятельности в стадии возбуждения уголовного дела, когда проверяется в порядке судебного контроля отказ в приёме заявления, отказ в возбуждении уголовного дела, постановление о возбуждении уголовного дела.

Получается, что здесь он вроде как принципом законности руководствоваться не должен, поэтому надо изменить и эту редакцию этой нормы.

Часть 4 статьи 7 тот же самый принцип законности. Что мы там имеем в этой статье: "Определение суда, постановление судьи, прокурора, следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными". Да, должны, нет вопросов. А куда делся приговор? Согласно части 1 статьи 297, приговор суда должен быть законным, обоснованным, мотивированным. Поэтому более удачная редакция этой нормы должна звучать примерно так: "Приговор определения суда постановлением судьи и прокурора должны быть законными, обоснованными, мотивированными".

Статья 133 часть 2 пункт 4: "Право на реабилитацию имеют осуждённые (по каким пунктам) по пункту 1 и 2 части 1 статьи 27". Ничего подобного. Почему? Потому что, если принято решение по пункту 2 статьи 27, то пункт 2 статьи нас отсылает (это отсылочная норма) к пункту 1-6 статьи 24. А статья 24 УПК у нас два не реабилитирующих основания – это амнистия и это смерть лица. Полу-

чается, что если лицо умерло после совершения преступления или истекли сроки давности уголовного преследования, то оно тоже имеет право на реабилитацию. Поэтому надо менять редакцию данной нормы. Эти лица права на реабилитацию не имеют. И правильная редакция должна звучать примерно так: "Осуждённый в случае полной или частичной отмены вступившего в законную силу обвинительного приговора в случаях, предусмотренных пунктом 1 и 2 части 1 статьи 24 или пунктом первым статьи 27. Тогда такие противоречия будут сняты.

Статья 139-я, эта статья предусматривает возможность возмещения вреда юридическим лицам. А я считаю, что статья 139-я, нормы главы 17, которая предусматривает реабилитацию, это величайшая глупость. Почему? Институт реабилитации, согласно главе 18-й УПК, предусмотрен для возмещения имущественного, жилищного, трудового, пенсионного и иного вреда... Кому? Обвиняемому, подозреваемому в связи с незаконным уголовным преследованием. Как вы знаете, юридические лица субъектами уголовного преследования по нашему УПК не являются. Они же не являются субъектами уголовной ответственности. Поэтому 139 здесь норма главы 18 никак не работает. Её либо надо исключать, либо, в крайнем случае, излагать так, как я её предлагаю. А именно: вред, причинённый юридическим лицам незаконными действиями, бездействиями, решением суда, прокурора, следователя подлежат возмещению государством в полном объёме в порядке, который установлен и гражданским, и гражданско-процессуальным законодательством Российской Федерации. Тогда всё это будет нормально, и ничего противоречить не будет.

Последнее предложение, коллеги. Я хочу обратиться к нормам статьи 321-й, которая посвящена производству мирового судьи. Пять лет действует УПК, пять лет мировые судьи применяют нормы, которые изложены в статье 321. Что там, примерно, написано, коллеги? Сейчас, одну секунточку... В 321-й у нас написано примерно так: мировой судья до начала судебного следствия имеет право соединить в одном производстве заявление потерпевшего и

встречное заявление обвиняемого, при этом судебное заседание откладывается на срок не более трёх суток для того, чтобы лица подготовились к защите по встречному заявлению. Ничего подобного, это бред. Бред. Почему? В тот момент, когда заявление потерпевшего поступает... принимается в производство мировому судье, мы знаем, это возбуждённое уголовное дело. В тот момент, когда обвиняемому поступает встречное заявление – это второе уголовное дело. Соединить два уголовных дела в одном производстве, согласно статье 153, может только прокурор. И дело в этом случае подлежит возвращению прокурору по нормам статьи 237-й. И таких ляпов в нашем УПК Бог знает сколько. И вот на этих на ляпах у нас и защита потерпевших, и защита свидетеля. Давайте приведём сначала УПК в соответствие с теми требованиями, которые перед ним стояли, а потом будем выдвигать пустые и другие декларативные предложения.

---

**Богдан Бражников,**

студент Российской  
правовой академии

---

Я хотел бы обратить внимание на вопрос, который, к сожалению, и к моему глубокому непониманию не прозвучал здесь, в этих стенах. Это проблема противоправных действий сотрудников правоохранительных органов. Вы поймите меня правильно, я не хочу, скажем, опорочить работу правоохранительных органов, здесь очень много бывших сотрудников, нынешних сотрудников правоохранительной системы, но, тем не менее, есть огромные неразрешимые проблемы в работе милиции, прокуратуры и иных правоохранительных органов. Как бы ни было прискорбно, но мы должны признать, что рядовой гражданин сейчас не может чувствовать себя защищённым, он боится милиционеров, он боится следователей. О чём мы можем говорить – о каком гражданском долге, о какой уверенности граждан в своей судьбе мы можем говорить, если человек, который приходит с

заявлением в милицию, который пытается найти какой-то ответ, защиту своих прав, получает, в лучшем случае, систему отчуждения, в худшем случае – к нему применяется ещё и насилие.

Как вы знаете, вступило в силу решение Европейского суда по правам человека в отношении дела Михеева. Очень прецедентное дело. Лицо незаконно привлекли к уголовной ответственности, пытали. Он заявлял о том, что в отношении него проводятся пытки, он заявлял это следователю, но никаких мер не было принято. В результате человек потерял здоровье, сейчас, естественно, получил компенсацию. Это очень громкое прецедентное дело, которое говорит нам о том, что есть проблемы в работе милиции, прокуратуры, что надо менять систему.

Мои предложения. Во-первых, это усовершенствовать вопросы кадровой политики – кого мы берём на службу в правоохранительные органы. И второй вопрос: ужесточить ответственность тех людей, которые в противоречие с законом совершают преступления, будучи правоохранителями, которые носят погоны, но являются преступниками.

## ОГЛАВЛЕНИЕ

|                                                   |    |
|---------------------------------------------------|----|
| 1. Гребенников В.В. Вступительное слово . . . . . | 4  |
| 2. Слиски Л.К. . . . .                            | 5  |
| 3. Гришанков М.И. . . . .                         | 8  |
| 4. Овчинников Н.А. . . . .                        | 9  |
| 5. Костина О.Н. . . . .                           | 15 |
| 6. Колесников В.И. . . . .                        | 20 |
| 7. Капура М.М. . . . .                            | 25 |
| 8. Сванидзе Н.К. . . . .                          | 29 |
| 9. Александров А.И. . . . .                       | 32 |
| 10. Шабанов С.Г. . . . .                          | 34 |
| 11. Овчинский В.С. . . . .                        | 36 |
| 12. Кинни Терри (Terry Kinney) . . . . .          | 39 |
| 13. Дозорцева Е.Г. . . . .                        | 41 |
| 14. Лазарев В.В. . . . .                          | 42 |
| 15. Илюшина М.Н. . . . .                          | 44 |
| 16. Волков А.И. . . . .                           | 47 |
| 17. Муратова Н.Г. . . . .                         | 49 |
| 18. Богданова Е.Е. . . . .                        | 53 |
| 19. Аппенянский А.И. . . . .                      | 55 |
| 20. Ковтун Н.Н. . . . .                           | 57 |
| 21. Бражников Б. . . . .                          | 61 |